

Фрэнсис Бёрнетт

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Романы

Золотая классика – детям!

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

Маленькая принцесса

«Издательство АСТ»

1886, 1888

УДК 821.111-(73)-31
ББК 84(7Coe)

Бёрнетт Ф.

Маленькая принцесса / Ф. Бёрнетт — «Издательство АСТ»,
1886, 1888 — (Золотая классика – детям!)

ISBN 978-5-17-067117-5

Бёрнетт, Фрэнсис Элиза (1849-1924) — известная англо-американская детская писательница. В нашу книгу «Маленькая принцесса. Романы» вошли два произведения «Маленькая принцесса» и «Маленький лорд Фаунтле-рой». Впервые оба они были опубликованы почти одновременно: первый в 1886 г., второй — в 1888 г., и оба сразу стали бестселлерами и уже более ста лет это классика детской мировой литературы. Перевод с английского А. Рождественской и Е. Таборовской. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-067117-5

© Бёрнетт Ф., 1886, 1888
© Издательство АСТ, 1886, 1888

Содержание

Маленькая принцесса	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	36
Глава восьмая	47
Глава девятая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фрэнсис Бёрнетт

Маленькая принцесса

Рисунок на обложке Ю. Устиновой

© Ионайтис О. Р., ил., 2022

© Устинова Ю. Н., ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Маленькая принцесса

Глава первая

Сара

В один из тех пасмурных зимних дней, когда над лондонскими улицами нависает такой густой, тяжёлый туман, что фонари зажигают с утра, а в магазинах горит газ, как-то вечером по улицам тихо ехал кэб, в котором сидела маленькая девочка со своим отцом.

Она сидела, поджав ноги и прислонившись к обнявшему её одной рукой отцу, и с каким-то недетски задумчивым выражением в своих больших глазах смотрела на прохожих.

Это выражение казалось совсем неподходящим к её маленькому личику. Странно было видеть его и на лице одиннадцатилетней девочки, а Саре Кру было только семь лет.

Но дело в том, что Сара была непохожа на других детей. Она всегда думала и мечтала о чём-нибудь необыкновенном и всегда, насколько сама помнила, интересовалась взрослыми людьми и их жизнью. Ей казалось, что она живёт на свете уже много, много лет.

Сара только что приехала со своим отцом, капитаном Кру, из Бомбея в Лондон и теперь думала об этом путешествии.

Ей вспоминался большой корабль, ласкары¹, тихо проходившие то туда, то сюда, дети, игравшие на залитой солнцем палубе, и жёны молодых офицеров, которые обычно старались заставить её разговариваться, а потом смеялись над её словами.

Особенно странным казалось Саре то, что сначала она жила в жаркой Индии, затем очутилась среди океана, а теперь ехала в каком-то необыкновенном экипаже по необыкновенным улицам, где днём было так же темно, как ночью. Всё это было так удивительно, что она подвинулась ещё ближе к отцу.

– Папа! – проговорила она тихо и таинственно, почти шёпотом. – Папа!

– Что, моя девочка? – спросил капитан Кру, глядя на её поднятое личико. – О чём ты думаешь?

– Это «то место», папа? – прошептала Сара, ещё крепче прижимаясь к отцу. – Да, папа?

– Да, моя крошка. Мы наконец доехали.

И, несмотря на то, что Саре было только семь лет, она поняла, что ему тяжело говорить об этом.

Ей казалось, что папа её уже давно, много лет тому назад, начал подготавливать её к мысли об этом «месте», как она всегда называла его. Мать Сары умерла, когда она родилась, и потому девочка никогда не чувствовала, что ей недостаёт матери. Кроме молодого, красивого, богатого, доброго отца, у Сары, по-видимому, не было никаких родных. Они всегда играли вместе и горячо любили друг друга. Она знала, что её папа богат, только потому, что слуги говорили это, когда думали, что она не слышит их; говорили они также, что и она будет богата, когда вырастет. Сара не вполне ясно понимала, что значит богатство. Она всегда жила в прекрасном доме, где было много слуг, которые низко кланялись ей, называли её «мисси саиб» и позволяли ей делать всё, что угодно. У неё была аяя, няня-индуска, боготворившая её, и множество всевозможных игрушек. И она слышала, что это обыкновенно бывает у богатых людей. Вот всё, что она знала о богатстве.

Сара была вполне счастлива, и только мысль о «том месте», куда её когда-нибудь отвезут, несколько тревожила её. Климат Индии вреден для детей, и их при первой возможности увозят оттуда, чаще всего в Англию, в школу. Сара видела, как уезжали другие дети, и слышала, как потом их матери и отцы говорили о письмах, которые получали от них. Она знала, что ей тоже

¹ Ласкары – здесь: индийские матросы.

придётся уехать. Хотя иногда рассказы отца о путешествии и о новой стране интересовали её, она с ужасом думала о том, что ей придётся расстаться с ним.

– А не мог бы ты остаться в «том месте» со мною, папа? – спрашивала она, когда ей было пять лет. – Ты тоже поступил бы в школу, и я помогала бы тебе учить уроки.

– Ты недолго пробудешь там, моя крошка, – обыкновенно отвечал отец. – Я привезу тебя в красивый дом, где живёт много маленьких девочек; ты будешь играть с ними, а я стану присылать тебе много, много книг. И ты будешь расти так быстро, что не успеем мы оглянуться, как ты, совсем большая и образованная, уже вернёшься ухаживать за своим папой.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство отца, ездить с ним верхом, сидеть на первом месте за столом во время его званных обедов, разговаривать с ним и читать его книги – лучше она ничего не могла себе представить. И если для того, чтобы добиться своего счастья, нужно поехать в «то место», в Англию, то придётся решиться на это. Что там много маленьких девочек – это ей всё равно; но если у неё будет вдоволь книг, она как-нибудь проживёт. Сара любила книги больше всего другого и даже сама часто придумывала разные истории и рассказывала их себе самой. Иногда она рассказывала их отцу, которому они нравились так же, как ей.

– Ну что же, папа, – мягко проговорила Сара, – так как мы уже здесь, то, мне кажется, нам нужно примириться с этим.

Капитан засмеялся над такой странной в устах ребёнка фразой и поцеловал Сару. Сам он никак не мог примириться с этим. Его девочка была для него отличным товарищем, и он знал, каким одиноким почувствует он себя, когда вернётся в свой дом в Индии и навстречу к нему не выбежит его маленькая Сара в белом платьице. И потому он нежно прижал её к себе, в то время как кэб свернул на площадь и остановился около большого дома.

Это было мрачное кирпичное здание, совершенно такое же, как и все соседние дома. На входной двери блестела медная дощечка, на которой было выгравировано чёрными буквами:

«МИСС МИНЧИН.
ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВИЦ».

– Ну, вот мы и приехали, Сара, – сказал капитан Кру, стараясь говорить как можно веселее.

Он взял девочку на руки и поставил её около подъезда, а потом они взошли на ступеньки и позвонили. Впоследствии Саре часто приходило на ум, что дом этот удивительно похож на мисс Минчин. Он имел представительный вид и был хорошо меблирован, но вся его обстановка отличалась полным отсутствием красоты. Мебель в приёмной была жёсткая, полированная; даже румяные щёки луны, нарисованной на стоявших в углу больших часах, имели какой-то строгий, лакированный вид. В гостиной, куда привели Сару и её отца, лежал на полу ковёр, рисунок которого состоял из квадратов; стулья тоже были какие-то квадратные; в кресла, казалось, были вставлены необыкновенно твёрдые пружины, а на тяжёлом мраморном камине стояли, в виде украшения, тяжёлые мраморные часы.

Сара села на жёсткий стул красного дерева и быстро огляделась кругом.

– Мне здесь не нравится, папа, – сказала она. – Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли её весёлого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать её.

– Ах, моя крошка! – сказал он. – Что я буду делать, когда никто не станет говорить мне таких торжественных фраз! Только ты одна умеешь говорить их.

– Но почему же ты смеёшься, слушая торжественные фразы? – спросила Сара.

– Потому что они выходят такие забавные, когда ты говоришь их, – ответил, снова засмеявшись, капитан. А потом он вдруг крепко обнял Сару и горячо поцеловал её. Теперь он уже не смеялся; казалось, напротив, как будто слёзы готовы брызнуть у него из глаз.

В эту минуту мисс Минчин вошла в комнату, и Сара тотчас же увидела, что она удивительно похожа на свой дом. Это была высокая, представительная, суровая и очень некрасивая женщина с большими холодными глазами и широкой холодной улыбкой. Увидав Сару и капитана Кру, она улыбнулась ещё шире. От дамы, которая рекомендовала капитану её школу, мисс Минчин получила очень приятные сведения о нём. Так она, между прочим, узнала, что он очень богат и не пожалеет никаких расходов для своей маленькой дочери.

– Взять на себя заботу о такой прелестной и способной девочке, – сказала мисс Минчин, взяв руку Сары и глядя её, – будет для меня большой честью, капитан. Леди Мередит говорила мне о её необыкновенном уме. А способный ребёнок – настоящее сокровище для такой школы, как моя.

Сара стояла неподвижно, устремив глаза на мисс Минчин. Ей, как всегда, приходили в голову странные мысли.

«Зачем она говорит, что я прелестная девочка? – думала она. – Ведь это неправда. Вот Изабелла, дочь полковника Грэнджа, действительно очень красива. У неё розовые щёки с ямочками и длинные золотистые волосы. А у меня зелёные глаза, короткие чёрные волосы, и я такая худая. Что же тут красивого? Я, напротив, очень дурна, я безобразнее чуть ли не всех детей, каких мне случалось видеть. Значит, она лжёт».

Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Она на самом деле несколько не походила на Изабеллу Грэндж, самую хорошенькую девочку в полку; но зато она обладала особой, своеобразной прелестью. Это была слишком высокая для своих лет, худенькая, стройная девочка с милым, энергичным личиком и густыми, почти чёрными волосами, которые слегка вились на концах. Большие зеленовато-серые глаза её с длинными чёрными ресницами были замечательно красивы, и цвет их нравился многим, хотя ей самой он казался отвратительным. Во всяком случае, Сара считала себя дурнушкой, и лесть мисс Минчин несколько не изменила её мнения о себе.

«Я бы солгала, если бы назвала её красавицей, – думала Сара, – и я знала бы, что лгу. Мне кажется, я в своём роде такая же безобразная, как она. Зачем же она сказала это?»

Когда Сара познакомилась с мисс Минчин поближе, она поняла, почему та сказала это. И она заметила, что мисс Минчин говорила то же самое каждому отцу и каждой матери, отдававших детей в её школу.

Сара стояла около отца и слушала, как он разговаривал с начальницей. Он решил отдать свою девочку в её школу, потому что две дочери леди Мередит учились здесь, а капитан Кру был очень высокого мнения о леди Мередит и вполне полагался на её опытность. Он желает, чтобы Сара, живя в школе, пользовалась всевозможными удобствами. Ей нужна хорошенькая спальня, отдельная гостиная, экипаж и пони и особая горничная вместо айи, няни, ходившей за ней в Индии.

– Ученье даётся ей легко, и относительно этого я несколько не беспокоюсь, – сказал капитан Кру, держа в своей руке руку Сары и похлопывая по ней. – Трудно будет, напротив, удерживать её от занятий, не давать ей учиться слишком много. Она постоянно сидит, уткнувши свой носик в книгу. Она не читает книги, мисс Минчин, а пожирает их, как будто она волк, а не маленькая девочка. И она никак не может насытиться. Ей нужны всё новые и новые книги, да ещё самые большие и толстые, и притом такие, которые пишутся для взрослых. А будут они французские, немецкие или английские, это ей решительно всё равно. Она любит читать всё – историю, биографии, стихи. Не давайте ей сидеть слишком много над книгами, мисс Минчин.

Пусть она лучше покатается на пони или пойдёт гулять и купит себе новую куклу. Ей следовало бы побольше играть в куклы.

– Послушай, папа, – сказала Сара, – ведь если я буду через каждые несколько дней покупать себе новую куклу, то у меня будет их слишком много. Куклы должны быть близкими друзьями. Моим самым близким другом будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин; мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

– Кто такая Эмили? – спросила она.

– Пусть вам скажет это сама Сара, – с улыбкой ответил капитан.

Зеленовато-серые глаза Сары глядели серьёзно и кротко.

– Это кукла, которой у меня ещё нет, – сказала она. – Папа обещал купить её. Мы пойдём за ней вместе. Я назвала её Эмили, и она будет моим другом, когда папа уедет. Она нужна мне, чтобы говорить с ней о нём.

Широкая улыбка мисс Минчин сделалась льстивой.

– Какой оригинальный ребёнок! – воскликнула она. – Какая милая маленькая девочка!

– Да, она милая маленькая девочка, – сказал капитан Кру, прижимая к себе Сару, – заботьтесь о ней получше, мисс Минчин.

Сара пробыла с отцом несколько дней; она оставалась с ним до тех пор, пока он не отплыл назад, в Индию. Они ходили вместе по магазинам и покупали много всевозможных вещей для Сары – купили их гораздо больше, чем нужно было ей. Капитан Кру был щедрый, неппрактичный человек. Он покупал для своей дочери всё, что нравилось ей, и всё, что нравилось ему самому.

Таким образом, они выбрали вдвоём довольно странный гардероб, слишком роскошный для семилетней девочки. Тут были кружевные и вышитые платья и бархатные, обшитые дорогими мехами шляпы с большими нежными страусовыми перьями; кофточки на горностаевом меху и муфты; коробки с крошечными перчатками, платками и шёлковыми чулками. И всё это покупали они в таком громадном количестве, что молодые женщины, стоявшие за прилавком, с изумлением переглядывались. Они решили, что странная девочка с большими мечтательными глазами какая-нибудь иностранная принцесса – может быть, дочь индийского раджи.

Нелегко было капитану и Саре найти Эмили; долго пришлось им ходить по разным игрушечным магазинам и осматривать много кукол, прежде чем они отыскали её.

– Я хочу, чтобы она глядела на меня не так, как кукла, – сказала Сара. – Я хочу, чтобы мне казалось, будто она слушает меня, когда я говорю с ней. Куклы нехороши тем, что они как будто совсем не слушают, – задумчиво прибавила она, склонив голову набок.

Итак, капитан и Сара пересмотрели целую кучу кукол, больших и маленьких, с карими и голубыми глазами, с тёмными локонами и золотистыми косами, одетых и неодетых.

– Если Эмили будет не одета, – сказала Сара, – мы можем отвести её к портнихе, и та сошьёт ей все вещи. Они лучше будут сидеть на Эмили, потому что будут сшиты по мерке.

После множества неудач они решили, не заходя в магазины, осматривать сначала выставленных в окнах кукол. Выйдя из кэба и сказав извозчику, чтобы он тихонько ехал за ними, они отправились на поиски. В двух или трёх ближайших магазинах не нашлось ничего подходящего. Они пошли дальше и приблизились к небольшой игрушечной лавке. Вдруг Сара остановилась и схватила за руку отца.

– О, папа! – воскликнула она. – Вот Эмили! – Щёки девочки вспыхнули, а в её зеленовато-серых глазах появилось такое выражение, как будто она увидела кого-нибудь близкого и любимого.

– Она ждёт нас, – продолжала Сара. – Пойдём к ней!

– Ах, Боже мой! – сказал капитан Кру. – Как же нам быть? С нами нет никого, кто бы представил нас ей.

– Ничего, – успокоила его Сара. – Ты представишь меня, а я представлю тебя. Но ведь я узнала её в ту же минуту, как увидала. Может быть, и она узнала меня.

Может быть, и узнала. По крайней мере, у неё был очень разумный вид, когда Сара взяла её на руки. Это была большая кукла, но не настолько большая, чтобы её неудобно было носить. У неё были выющиеся тёмно-золотистые волосы и ясные голубовато-серые глаза с длинными густыми ресницами – настоящими ресницами, а не нарисованными.

– Да, это так, папа, – сказала Сара, посадив куклу на колени и глядя ей в лицо. – Это действительно Эмили.

Итак, Эмили купили, тотчас же отвезли в магазин, где продавались все принадлежности туалета для кукол, и после тщательной примерки выбрали для неё такие же роскошные вещи, как и для самой Сары. Ей тоже купили кружевных, бархатных и кисейных платьев, и шляп, и кофточек, и великолепного, отделанного кружевами белья, и перчаток, и платков, и мехов.

– Я её мама и должна заботиться о ней, – говорила Сара. – Она будет моим другом.

Капитан Кру делал бы все эти покупки с величайшим удовольствием, если бы одна мучительная мысль не сжимала его сердца: он всё время думал о том, что ему придётся скоро расстаться со своей странной, горячо любимой маленькой девочкой.

Ночью он встал с постели и долго стоял, глядя на Сару, которая спала, обняв Эмили. Её чёрные волосы рассыпались на подушке и смешались с золотистыми волосами куклы. Обе они были в отделанных кружевами пеньюарах, и у обеих длинные, загнутые ресницы лежали на щеках. Эмили так походила на настоящего ребёнка, что капитану было приятно видеть её рядом с Сарой. Он глубоко вздохнул и каким-то мальчишеским движением закрутил усы.

– Ах, моя маленькая Сара, – пробормотал он, – ты, наверное, и не подозреваешь, как будет горевать по тебе твой папа!

На другой день капитан отвёз свою девочку к мисс Минчин и оставил её там. На следующее утро ему предстояло отплыть в Индию. Он объяснил мисс Минчин, что его делами заведуют в Англии стряпчие Барро и Скипворт, к которым она может обращаться за советом в случае какого-нибудь затруднения; они же будут оплачивать все расходы, какие она сделает для Сары. Он будет писать своей девочке два раза в неделю и желает, чтобы ей не отказывали ни в чём, чтобы она пользовалась всеми удовольствиями, какими пожелает.

– Она разумная девочка, – прибавил он, – и никогда не попросит чего-нибудь вредного или неподходящего для неё.

Потом капитан ушёл с Сарой в её маленькую гостиную, чтобы наедине проститься с ней.

Сара села к нему на колени и, взяв его за лацканы сюртука, долго и пристально глядела на него.

– Ты, должно быть, хочешь выучить меня наизусть, моя крошка? – спросил капитан, глядя её волосы.

– Нет, – ответила она, – я и так знаю тебя наизусть. Ты у меня в сердце.

Они крепко обнялись и долго целовали друг друга; казалось, они были не в силах расстаться.

Когда кэб тронулся с места, Сара из окна своей гостиной не спускала с него глаз до тех пор, пока он не свернул за угол. Эмили была рядом с ней и тоже смотрела на кэб.

Мисс Минчин послала свою сестру Амелию посмотреть, что делает Сара. Но та не могла войти к ней, так как дверь оказалась запертой.

– Я заперла дверь, – слышался изнутри тихий, вежливый голосок. – Мне бы хотелось, если позволите, остаться одной.

Толстая недалёкая мисс Амелия благоговела перед своей сестрой. Она была добрее мисс Минчин, но никогда не осмеливалась послушаться её. Встревожившись и не зная, что делать, мисс Амелия опять сошла вниз.

– Никогда не видывала я такого смешного и странного ребёнка, сестра, – сказала она мисс Минчин. – Она заперлась у себя и сидит тихо-тихо; из комнаты не слышно ни звука.

– Ну, что же, это гораздо лучше, чем если бы она стала стучать и кричать, как делают иные, – возразила мисс Минчин. – Я боялась, что эта донельзя избалованная девочка поднимет страшный шум и всполошит весь дом. Ведь ей позволяли делать всё, что угодно.

– Я разбирала её сундуки, – сказала мисс Амелия. – Ах, какие у неё чудные вещи, сестра! Соболы и горностаевые кофточки, отделанное настоящими валансьенскими кружевами бельё! Ты видела некоторые из её платьев. Как они понравились тебе?

– По-моему, они в высшей степени смешные, – резко ответила мисс Минчин, – но в воскресенье, когда воспитанницы отправятся в церковь, а она пойдёт впереди всех, её роскошные костюмы будут как раз кстати. Ей столько накопили всего, как будто она принцесса.

В это время наверху Сара и Эмили сидели в запертой комнате и смотрели на то место, где, завернув за угол, пропал из виду кэб. А капитан Кру всё оглядывался и махал платком и посылал воздушные поцелуи, как будто был не в силах остановиться.

Глава вторая

Урок французского

Когда Сара на следующее утро вошла в класс, все глаза с любопытством устремились на неё.

К этому времени все воспитанницы – начиная с Лавинии Герберт, которая считала себя почти взрослой, так как ей было уже около тринадцати лет, и кончая четырёхлетней Лотти Лег – успели узнать о ней многое. Они узнали, что она очень богата и будет занимать особое, привилегированное положение в школе. Некоторые воспитанницы видели мельком её горничную, француженку Мариетту, приехавшую накануне вечером. Лавинии удалось пройти мимо комнаты Сары в ту минуту, когда дверь была открыта, и она увидела Мариетту, разбиравшую корзину, только что присланную из магазина.

– В корзине лежали до самого верха юбки с гофрированными кружевными оборочками, много, много оборочек, – рассказывала Лавиния своей подруге Джесси, низко нагнувшись над учебником географии. – Я видела, как французская горничная встряхивала их. Мисс Минчин говорила мисс Амелии, что платья новенькой слишком роскошны и смешны для ребёнка. Моя мама находит, что детей нужно одевать как можно проще. А знаешь, на новенькой и теперь такая же юбка. Я видела её, когда она садилась.

– И на ней шёлковые чулки! – шепнула Джесси, тоже нагнувшись над учебником. – А какие у неё маленькие ножки! Никогда не видывала я таких.

– Пустяки! – презрительно фыркнула Лавиния. – Это просто от туфель. Моя мама говорит, что даже большие ноги кажутся маленькими, если башмаки куплены в хорошем магазине. И, по-моему, эта новенькая совсем некрасива. Какого странного цвета у неё глаза!

– Да, она непохожа на других хорошеньких девочек, – сказала Джесси, украдкой взглянув на Сару, – но когда посмотришь на неё, то хочется взглянуть ещё раз. У неё необыкновенно длинные ресницы, но глаза почти совсем зелёные.

Сара спокойно сидела на своём месте и ждала, чтобы ей сказали, что нужно делать. Её посадили около самой кафедры мисс Минчин. Сару несколько не смущали любопытные взгляды воспитанниц; она с таким же любопытством смотрела на них. Она спрашивала себя, о чём они думают, любят ли они мисс Минчин, нравится ли им учиться и есть ли хоть у одной из них такой папа, как у неё. Утром она долго говорила о нём с Эмили.

– Теперь он плывёт по морю, Эмили, – говорила она. – Мы должны быть большими друзьями и верить друг другу всё. Посмотри на меня, Эмили. У тебя очень хорошенькие глазки, но мне бы хотелось, чтобы ты умела говорить.

У Сары было очень сильное воображение, и ей постоянно приходили в голову разные странные мысли и фантазии. Так, например, она думала, что для неё будет большим утешением, если она представит себе, будто Эмили живая и на самом деле слышит и понимает всё.

Когда Мариетта одела Сару в тёмно-синее форменное платье и завязала ей волосы тёмно-синей лентой, девочка подошла к Эмили, которая сидела на своём собственном стуле, и положила около неё книгу.

– Ты можешь почитать, пока я буду внизу, – сказала она и, увидев, что Мариетта с удивлением глядит на неё, прибавила, повернув к ней своё серьёзное личико: – Я думаю, куклы могут делать многое, но стараются, чтобы мы не знали этого. Может быть, Эмили в самом деле умеет ходить, говорить и читать, но делает это только тогда, когда в комнате никого нет. Она скрывает это. Ведь если бы люди узнали, что куклы могут делать всё, они, наверное, заставили бы их работать. И потому куклы, может быть, сговорились не открывать никому своего секрета. Если вы останетесь в комнате, Эмили будет сидеть на своём стуле и не тронется с места; но если вы уйдёте, она, может быть, начнёт читать или пойдёт и станет смотреть в окно. А

как только она услышит, что кто-нибудь из нас идёт сюда, она побежит назад, сядет на стул и сделает такой вид, как будто всё время сидела здесь.

«Comme elle est drole²», – подумала француженка и, пойдя вниз, рассказала главной горничной о фантазии Сары. Но Мариетта уже начинала любить эту странную маленькую девочку с таким умненьким личиком и такую благовоспитанную.

Ей приходилось ходить за детьми, которые были далеко не так вежливы. А в манере Сары говорить: «Пожалуйста, Мариетта», «Благодарю вас, Мариетта», – было какое-то особое очарование.

– Она благодарит меня, как будто я леди, – говорила француженка главной горничной. – Elle a l'air d'une princesse³.

Мариетта была в восторге от своего места и своей маленькой госпожи.

Через несколько минут после того, как Сара вошла в класс, мисс Минчин с величественным видом постучала по кафедре.

– Девицы, – сказала она, – я хочу представить вам новую воспитанницу.

Все девочки встали; встала и Сара.

– Надеюсь, что вы все будете любезны с мисс Кру, – продолжала мисс Минчин. – Она приехала к нам издалека, из Индии. Когда уроки кончатся, вы можете познакомиться с ней.

Девочки церемонно присели, Сара сделала то же, а потом все уселись и снова переглянулись.

– Сара, – сказала мисс Минчин таким строгим, наставническим тоном, каким обыкновенно говорила в классе, – подойдите ко мне.

Она взяла с кафедры книгу и стала перелистывать её. Сара подошла к ней.

– Отец ваш нанял вам французскую горничную, – сказала мисс Минчин. – Он, без сомнения, сделал это для того, чтобы вы поскорее научились французскому языку.

Саре стало немножко неловко.

– Мне кажется, – нерешительно проговорила она, – он нанял её, думая, что она будет приятна мне.

– Вас, как видно, чересчур баловали, – сказала мисс Минчин с довольно кислой улыбкой, – и потому вы воображаете, что решительно всё делается только для вашего удовольствия. А по-моему, ваш отец желал, чтобы вы хорошенько изучили французский язык.

Если бы Сара была постарше или не так боялась показаться невежливой, она объяснилась бы в нескольких словах. Но теперь только яркий румянец вспыхнул у неё на щеках. Мисс Минчин была очень строгая и величественная особа. Она, по-видимому, была вполне убеждена, что Сара не имеет никакого понятия о французском языке, и девочке казалось неловким разуберять её. На самом деле Сара знала его – знала с тех пор, как помнила себя. Её отец часто говорил с ней по-французски, когда она была совсем маленькая. Её мать была француженка, и капитан Кру любил этот язык. Таким образом, Сара часто слышала его и знала, как свой родной.

– Я никогда... никогда не училась по-французски, – застенчиво начала она, делая попытку объясниться, – но... но...

Сама мисс Минчин не умела говорить по-французски, но старательно скрывала от всех это неприятное обстоятельство. И теперь, опасаясь каких-нибудь щекотливых вопросов со стороны новой воспитанницы, она поспешила прекратить разговор.

– Довольно, – резко сказала она. – Если вы не учились, то начните сегодня же. Учитель французского языка, господин Дюфарж, придёт через несколько минут. Возьмите эту книгу и займитесь до его прихода.

² Какая она забавная (*фр.*).

³ Она воздушная, она принцесса (*фр.*).

Щёки Сары пылали. Она пошла назад, на своё место, и, открыв книгу, серьёзно взглянула на первую страницу. Если бы она улыбнулась, это было бы грубо; поэтому и не улыбалась. А между тем ей было смешно учить, что «le père» значит «отец», а «la mère» – «мать».

Мисс Минчин проницательно взглянула на Сару.

– Вы как будто недовольны, Сара, – заметила она. – Очень жаль, что вам не хочется учиться французскому.

– Я люблю французский язык, – сказала Сара, делая ещё одну попытку объясниться, – но...

– Вы не должны говорить «но», когда вам дают какое-нибудь задание, – остановила её мисс Минчин. – Читайте свою книгу.

Сара опустила глаза на книгу и опять не улыбнулась, прочитав, что «le fils» значит «сын», а «le frère» – «брат».

«Когда придёт господин Дюфарж, – подумала она, – я объясню ему всё».

Он пришёл через несколько минут. Это был красивый средних лет француз с умным лицом. Он с любопытством взглянул на Сару, которая добросовестно читала французские диалоги.

– Это новая ученица, madame? – спросил он мисс Минчин. – Она будет заниматься со мной?

– Её отец, капитан Кру, очень желал, чтобы она училась французскому, – ответила мисс Минчин, – но боюсь, что у неё какое-то ребяческое предубеждение против французского языка. Ей, по-видимому, не хочется учиться ему.

– Мне это очень неприятно, made-moiselle, – добродушно сказал француз, обратившись к Саре. – Когда мы начнём заниматься, мне, может быть, удастся доказать вам, что это очень хороший язык.

Сара встала со своего места. Она уже начинала приходить в отчаяние от неловкого положения, в котором очутилась, и с умоляющим видом взглянула на Дюфаржа своими большими зеленовато-серыми глазами. И, спеша поскорее объяснить ему всё, она очень мило и совершенно свободно заговорила по-французски. Madame не поняла её. Французскому языку она действительно не училась по книгам, но её папа и другие часто говорили с ней по-французски и она может читать и писать так же легко по-французски, как по-английски. Её мама, которая умерла, когда она родилась, была французенка, и папа любит её язык, а потому и она сама любит его. Она будет рада учить всё, что задаст ей monsieur. А слова в этой книге она знает – она старалась объяснить это madame.

Когда Сара заговорила, мисс Минчин, вздрогнув всем телом, почти с негодованием взглянула на неё сквозь очки и не спускала с неё глаз до тех пор, пока она не кончила.

Радостная улыбка показалась на лице Дюфаржа. Слушая этот звонкий детский голос, говоривший так свободно на его родном языке, он почувствовал, как будто снова очутился у себя на родине, которая, как иногда казалось ему в туманные, пасмурные дни, была далеко-далеко от Лондона, совсем на другом конце света. Когда Сара кончила, он почти с нежностью взглянул на неё и, взяв у неё книгу диалогов, обратился к мисс Минчин.

– Не многому могу я научить её, madame, – сказал он. – Она не училась по-французски – она французенка. У неё прелестный выговор.

– Вам следовало предупредить меня! – воскликнула мисс Минчин, обернувшись к Саре.

– Я... я старалась, – ответила Сара, – должно быть, я не так начала...

Мисс Минчин знала, что она старалась и не виновата, что ей не дали объясниться. Увидев же, что воспитанницы внимательно слушают, а Лавиния и Джесси хихикают, закрывшись французскими грамматиками, мисс Минчин окончательно вышла из себя.

– Прошу вас замолчать, девицы! – строго сказала она, стуча по кафедре. – Замолчите сию же минуту!

И с этого первого урока французского мисс Минчин невзлюбила Сару.

Глава третья

Эрменгарда

В это же утро, когда Сара сидела около мисс Минчин и все глаза были устремлены на неё, сама она обратила внимание на девочку, приблизительно одних с нею лет, которая пристально глядела на неё наивными светло-голубыми глазами. Это была толстая, по-видимому недалёкая, но добродушная девочка. Её светлые волосы были туго заплетены в косичку и завязаны лентой. Девочка обернула свою косичку кругом шеи и, взяв в зубы кончик ленты, облокотилась на пюпитр и с любопытством глядела на новенькую.

Когда Дюфарж заговорил с Сарой, на лице толстой девочки появилось испуганное выражение; а когда Сара, выступив вперёд, стала отвечать ему по-французски, толстая девочка вздрогнула и покраснела от изумления. Сама она в продолжение нескольких недель проливала горькие слёзы, стараясь запомнить, что «la mère» значит «мать», а «le père» – «отец». А эта новенькая, которая, по-видимому, не старше её, твёрдо знает не только эти слова, но и множество других, и совсем легко, без всякого затруднения, составляет из них фразы с глаголами, как будто это сушие пустяки. Да, тут было от чего прийти в изумление!

Толстая девочка смотрела на Сару так пристально и с таким остервенением кусала свою ленту, что обратила на себя внимание мисс Минчин. А та была до того раздражена в эту минуту, что тотчас же накинулась на неё.

– Мисс Сент-Джан! – строго сказала она. – Что это за манеры? Уберите локти! Выньте из рта ленту! Сядьте прямо!

Мисс Сент-Джан снова вздрогнула и покраснела, а когда Лавиния и Джесси начали пересмеиваться, покраснела ещё больше, покраснела до того, что казалось, слёзы сейчас брызнут из её бедных глупеньких детских глаз. Сара видела всё это, и ей стало так жаль мисс Сент-Джан, что она решила подружиться с ней. Она всегда жалела и готова была защищать обиженных. Это было в её характере.

– Если бы Сара была мальчиком и жила несколькими столетиями раньше, – говорил её отец, – она сделалась бы рыцарем и, разъезжая по всей стране, защищала бы своим мечом всех несчастных. Она не может видеть равнодушно, если кого-нибудь обижают.

Итак, Сара почувствовала некоторую нежность к толстой, неповоротливой мисс Сент-Джан и несколько раз взглядывала на неё во время уроков. Она заметила, что ученье даётся мисс Сент-Джан нелегко и что никогда не будет она сидеть на первом месте в классе. Жалко было смотреть на неё, когда ей пришлось отвечать французский урок. У неё был такой ужасный выговор, что иногда даже сам Дюфарж не мог удержаться от улыбки, а Лавиния, Джесси и другие более способные девочки то пересмеивались, то презрительно взглядывали на несчастную мисс Сент-Джан. Но Сара не смеялась. Она делала вид, будто не слышит, когда та говорила вместо «le bon pain⁴» – «le bong pang». У Сары было горячее сердечко, и она выходила из себя, слыша хихиканье и глядя на растерянное лицо мисс Сент-Джан.

– Тут нет ничего смешного, – шептала она сквозь зубы, наклонившись над книгой. – Им бы не следовало смеяться.

Когда уроки кончились и воспитанницы, разбившись на группы, начали болтать между собою, Сара подошла к мисс Сент-Джан, которая с безутешным видом сидела, сжавшись в комочек, на подоконнике, и заговорила с ней. Хотя в словах Сары не было ничего особенного и она говорила то же самое, что всегда говорят маленькие девочки, знакомясь между собою, тон

⁴ Хлеб хороший (фр.).

её, как всегда в таких случаях, был необыкновенно дружеский и задушевный. И это подкупало всех.

– Как тебя зовут? – спросила Сара.

Мисс Сент-Джан с изумлением глядела на неё. Накануне вечером вся школа толковала о новенькой, и мисс Сент-Джан легла спать до крайности возбуждённая всем, что слышала о ней. Ученица, у которой есть экипаж, пони и горничная и которая к тому же приехала из Индии, – большая редкость.

– Меня зовут Эрменгарда Сент-Джан, – ответила она.

– А меня Сара Кру, – сказала Сара. – У тебя очень милое имя. Оно точно из волшебной сказки.

– Тебе оно нравится? – смущённо проговорила Эрменгарда. – А мне нравится твоё.

Отец мисс Сент-Джан был, к её величайшему огорчению, человек очень образованный. Если ваш отец говорит на семи или восьми языках, если у него тысячи книг, которые он, по-видимому, знает наизусть, то ему, конечно, хочется, чтобы вы, по крайней мере, хоть хорошо учили свои уроки. И он полагает, что вы должны помнить разные события из истории и писать без ошибок французские упражнения. Эрменгарда была тяжёлым бременем для мистера Сент-Джана. Он не мог понять, каким образом его дочь вышла такой глупой, неспособной, не одарённой никакими талантами девочкой.

«Господи Боже мой! – часто думал он, глядя на неё. – Неужели она будет такая же глупая, как её тётка Элиза!»

Если тётке Элизе совсем не давалось ученье, если она тотчас же забывала всё, что с величайшим трудом выучивала, то Эрменгарда была удивительно похожа на неё. Она считалась – и совершенно справедливо – самой неспособной девочкой в школе, настоящей тупицей.

– Заставьте её учиться, – сказал её отец мисс Минчин.

И бедная Эрменгарда проводила большую часть своей жизни в слезах. Она учила уроки и забывала их, а если помнила, то ничего не понимала. А потому неудивительно, что, познакомившись с Сарой, она сидела и с глубочайшим изумлением глядела на неё.

– Ты умеешь говорить по-французски? – почтительно спросила она.

Сара тоже забралась на широкий подоконник и, поджав ноги, обхватила руками колени.

– Да, умею, потому что всю свою жизнь слышала французскую речь, – ответила она. – И ты умела бы, если бы постоянно слышала.

– Нет, нет, я бы не сумела! – воскликнула Эрменгарда. – Я никогда не могла бы говорить по-французски!

– Почему же? – с любопытством спросила Сара.

– Ты слышала, как я отвечала сегодня, – сказала Эрменгарда. – И я всегда так отвечаю. Я не могу произносить французские слова. Они такие странные.

Она остановилась на минуту, а потом добавила чуть ли не с благоговением:

– Ты очень умная – да?

Сара глядела в окно на грязный, разбитый на площади садик, на воробьёв, которые прыгали и чирикали на мокрой железной решётке и на мокрых ветках деревьев. Она задумалась и ответила не сразу. Её часто называли умной, но теперь она спрашивала себя, действительно ли она умная, а если умная, то почему так вышло.

– Не знаю, – наконец сказала она, а потом, заметив, что круглое, толстое лицо Эрменгарды омрачилось, слегка усмехнулась и переменила разговор. – Хочешь видеть Эмили? – спросила она.

– Кто такая Эмили? – спросила в свою очередь Эрменгарда, совершенно так же, как мисс Минчин.

– Пойдём в мою комнату и посмотрим, – сказала Сара, протянув руку.

Они соскочили вместе с подоконника и пошли наверх.

– Правда, что у тебя есть своя собственная гостиная? – шепнула Эрменгарда, когда они проходили через переднюю.

– Правда, – ответила Сара. – Папа просил мисс Минчин дать мне отдельную гостиную, потому что... ну, да, потому что когда я играю, то придумываю разные истории и рассказываю их себе. И я не люблю, чтобы кто-нибудь слушал меня; это мне мешает.

Они только что вошли в коридор, ведущий в комнату Сары. Эрменгарда вдруг остановилась и, едва дыша, устремила глаза на Сару.

– Ты сама выдумываешь разные истории? – задыхаясь, проговорила она. – Ты можешь делать это так же хорошо, как говорить по-французски? Можешь – да?

Сара с удивлением взглянула на неё.

– Это может всякий. Ты никогда не пробовала? – спросила она и, не дожидаясь ответа, шепнула: – Подойдём к двери как можно тише, а потом я сразу отворю её. Может быть, нам удастся захватить её врасплох.

Сара улыбалась, говоря это, но по глазам её было видно, что она надеется увидеть что-то необыкновенное, таинственное. Такое же настроение охватило и Эрменгарду, хоть она не имела ни малейшего понятия о том, что всё это значит и кого хотят они захватить врасплох и зачем это нужно. Во всяком случае, что бы это ни значило, Эрменгарда была уверена, что увидит нечто чудесное и необыкновенное. И, дрожа от ожидания, она на цыпочках пошла за Сарой по коридору.

Они неслышно подошли к двери, а потом Сара вдруг повернула ручку и распахнула настежь дверь. В красиво убранной комнате стояла глубокая тишина; в камине приветливо горел огонёк, а на стуле сидела великолепная кукла и как будто читала книгу.

– Нет, нам не удалось захватить её! – воскликнула Сара. – Она успела добежать до своего стула. Вот так они делают всегда. Они быстрые, как молния.

Эрменгарда перевела глаза с Сары на куклу, а затем с куклы на Сару.

– Разве она может ходить? – с изумлением спросила она.

– Да, – ответила Сара, – по крайней мере, я думаю, что может, то есть я представляю себе, как будто я думаю, что она может. И тогда мне кажется, что это правда. Ты никогда не представляла себе ничего?

– Нет, никогда, – ответила Эрменгарда. – Расскажи мне об этом.

Эта странная новенькая так очаровала её, что она больше смотрела на неё, чем на Эмили, хотя никогда в жизни не видела такой прелестной куклы.

– Сядем, и я расскажу тебе, – сказала Сара. – Это очень легко. Стоит только начать, и тогда уж трудно остановиться. И это так приятно! Эмили, ты тоже можешь послушать. Это Эрменгарда Сент-Джан, Эмили. Эрменгарда, это Эмили. Хочешь взять её на руки?

– Разве мне можно? – спросила Эрменгарда. – В самом деле можно?.. Ах, какая она красивая! – воскликнула девочка, взяв куклу.

Никогда в течение своей скучной коротенькой жизни не думала Эрменгарда, что ей удастся провести время так приятно, как в это утро в комнате Сары. Они оставались там целый час, до самого звонка к завтраку.

Сара сидела на коврик перед камином и рассказывала разные удивительные вещи; зелёные глаза её блестели, щёки горели. Она рассказывала о своём путешествии и об Индии. Но больше всего пленила Эрменгарду её фантазия о куклах, которые будто бы ходят и говорят, когда в комнате нет никого. Они только никому не открывают своего секрета и быстро, «как молния», садятся на свои места, когда слышат, что кто-нибудь идёт.

– Мы не могли бы делать этого, – серьёзно сказала Сара. – Это волшебство.

Когда она рассказывала, как искала Эмили вместе с отцом, Эрменгарда заметила, что лицо её вдруг изменилось. Как будто облако затуманило его и погасило блеск её глаз. У неё вырвался какой-то странный, похожий на рыдание вздох, и она крепко сжала губы, как бы

решившись сделать что-то или не делать чего-то. Эрменгарде показалось, что она сейчас заплачет. Но она не заплакала.

– Тебе... тебе больно? – нерешительно спросила Эрменгарда.

– Да, но у меня болит не тело, – после небольшого молчания ответила Сара и прибавила, понизив голос и стараясь, чтобы он не дрожал: – Любишь ты своего папу больше всего на свете?

Эрменгарда открыла рот. Говоря по правде, ей никогда и в голову не приходило, что она может любить отца; она даже готова была вынести всё, лишь бы не остаться с ним наедине в течение десяти минут. Но Эрменгарда понимала, что благовоспитанной девочке, учащейся в образцовой школе, было бы неприлично сознаться в этом.

– Я... я почти никогда не вижу его, – пробормотала она. – Он всегда сидит в библиотеке и... читает разные книги.

– А я люблю моего папу больше всего на свете... в десять раз больше! – сказала Сара.

Она опустила голову на колени и сидела тихо в течение нескольких минут.

«Она сейчас заплачет!» – со страхом подумала Эрменгарда.

Но Сара и на этот раз не заплакала. Её короткие чёрные волосы упали ей на уши, и она сидела молча, а потом заговорила, не поднимая головы.

– Я обещала ему перенести это, – сказала она, – и я перенесу. Ведь всякому приходится переносить многое. Подумай только, сколько приходится выносить военным! А мой папа – военный. В случае войны ему пришлось бы идти в поход, он терпел бы лишения, был бы, может быть, опасно ранен. Но он никогда не сказал бы ни слова жалобы, ни одного слова!

Эрменгарда молча глядела на Сару и чувствовала, что начинает горячо любить её. Она была такая необыкновенная, такая непохожая на других.

Наконец Сара подняла голову и, откинув назад свои чёрные волосы, сказала с какой-то странной улыбкой:

– Если я буду говорить и рассказывать тебе о том, что я представляю себе, то мне будет легче. Забыть я не могу, но мне будет легче.

Эрменгарда почувствовала, что какой-то комок подступает к горлу и слёзы навёртываются на глазах.

– Лавиния и Джесси закадычные подруги, – хрипло проговорила она. – Я бы желала, чтобы ты была моей закадычной подругой. Хочешь подружиться со мной? Ты самая умная, а я самая глупая во всей школе, но я... я так полюбила тебя!

– Я очень рада, что ты меня любишь, – сказала Сара. – Да, мы будем дружить. И знаешь что? – прибавила она с просветлевшим лицом. – Я буду помогать тебе учить французские уроки.

Глава четвёртая

Лотти

Если бы у Сары был другой характер, то десять лет, которые она должна была провести в школе мисс Минчин, принесли бы ей не пользу, а вред. С ней обращались скорее как с почётной гостьей, чем как с воспитанницей. Если бы она была упряма и высокомерна, это постоянное баловство и лесть могли бы совсем испортить её и сделать невыносимой для других.

А если бы она была ленива, то не выучилась бы ничему. Мисс Минчин в глубине души не любила Сару, но она была женщина практичная и дорожила такой выгодной воспитанницей. Ведь если сделать или сказать ей что-нибудь неприятное, она, пожалуй, не захочет оставаться в школе. Стоит ей только написать отцу, что ей живётся плохо, и капитан Кру тотчас же заберёт её – мисс Минчин прекрасно знала это. А потому она постоянно хвалила Сару и позволяла ей всё, что угодно. Мисс Минчин была уверена, что каждый ребёнок, с которым так обращаются в школе, будет любить её. А потому Сару хвалили за всё: за успехи в ученье, за прекрасные манеры, за доброту к подругам, за щедрость, если она давала нищему шесть пенсов из своего туго набитого кошелька. Каждым самым обыкновенным поступком её восхищались, как будто она сделала что-то особенное, и, не будь Сара умна, она превратилась бы в очень неприятную и себялюбивую девочку. Но у Сары был ясный ум: она понимала себя и своё положение и иногда рассуждала об этом с Эрменгардой.

– Многое у людей зависит от случайностей, – как-то раз сказала она ей. – Мне посчастливилось. Случилось так, что я всегда любила читать и учиться и хорошо запоминала выученное. Случилось, что обо мне с самого рождения заботился добрый, милый, умный отец и давал мне всё, чего бы я ни пожелала. Может быть, у меня на самом деле дурной характер, а не сержусь я только потому, что у меня есть всё нужное, и потому, что все добры ко мне. Не придумаю даже, как узнать, хорошая я или плохая. Может быть, у меня отвратительный характер, но никто никогда не узнает этого, потому что не будет случая узнать.

– И у Лавинии нет никаких случаев, – возразила Эрменгарда, – а между тем у неё отвратительный характер.

Сара потёрла кончик носа, как бы раздумывая над замечанием Эрменгарды.

– Может быть, это потому, что Лавиния растёт, – наконец сказала она.

Сара вспомнила слова мисс Амелии, которая как-то говорила, что Лавиния растёт слишком быстро и это имеет дурное влияние на её здоровье и расположение духа.

У Лавинии был на самом деле дурной характер. Она страшно завидовала Саре. До её поступления Лавиния занимала первое место в школе и все подчинялись ей, так как она умела быть очень неприятной, если кто-нибудь осмеливался идти против неё. Она обращалась гордо и презрительно с маленькими и держала себя слишком важно с девочками постарше, которые могли быть её подругами. Она была красива, одевалась лучше других и потому шла всегда впереди всех, когда воспитанницы образцовой школы отправлялись по парам в церковь или на прогулку. Но когда приехала Сара со своими бархатными кофточками, собольими муфтами и страусовыми перьями, мисс Минчин распорядилась, чтобы во время этих торжественных выводов первое место во главе всей школы занимала Сара. И это было уж очень обидно Лавинии, а потом пошло ещё хуже. Оказалось, что Сара тоже может иметь влияние на других и ей тоже подчиняются, но не потому, что она умеет быть неприятной, а потому, что никогда не прибегает к этому средству.

– В Саре Кру хорошо то, что она ни крошечки не важничает, – сказала раз Джесси, оскорбив этим замечанием до глубины души своего «закадычного» друга. – А ведь она могла бы, Лавви. Если бы у меня было столько хороших вещей и если бы все так ухаживали за мной, то

я, право, начала бы важничать – так, немножко. Противно смотреть, как мисс Минчин выстав-
ляет её, когда к кому-нибудь приезжают родные.

– «Пойдите в гостиную, дорогая Сара, и расскажите миссис Месгрев об Индии», – пере-
дразнила Лавиния мисс Минчин. – «У дорогой Сары такой прекрасный французский выговор.
Она должна поговорить по-французски с леди Питкин...» А дорогая Сара выучилась француз-
скому языку не в школе, и восхищаться тут нечем. Она сама говорит, что никогда не училась
ему и привыкла говорить по-французски только потому, что постоянно слышала, как говорил
её отец. А этот отец – вот редкость-то! – офицер в Индии. Как будто ничего не может быть
выше этого!

– Он охотился на тигров, – сказала Джесси. – Он сам убил того тигра, шкура которого
лежит в комнате Сары. Вот почему Сара так любит эту шкуру. Она ложится на неё, гладит
голову тигра и разговаривает с ним, как с кошкой.

– Она всегда делает какие-нибудь глупости, – резко сказала Лавиния. – Моя мама гово-
рит, что очень глупо представлять себе разные вещи. Она говорит, что из Сары Кру выйдет
большая оригиналка.

Сара действительно не важничала. Она относилась дружески ко всем девочкам и щедро
делилась с ними всем, что у неё было. Она никогда не обижала маленьких, которые привыкли
исполнять приказания и выносить презрительное обращение зрелых леди десяти-двенадцати
лет. Сара относилась к этим крошкам с любовью. Когда они падали и начинали тереть колени,
она утешала, ласкала их и вынимала из кармана конфетку или что-нибудь другое, способное
уменьшить их горе. И она никогда не оскорбляла их самолюбия презрительным намёком на
возраст.

– Что же из того, что ей четыре года? – резко сказала она Лавинии, когда та отшлёпала
Лотти и назвала её младенцем. – Пройдёт год, и ей будет пять, ещё год – шесть лет. А через
шестнадцать, всего только через шестнадцать лет ей уже будет двадцать.

– Боже, как мы хорошо считаем! – воскликнула Лавиния.

На самом деле нельзя было отрицать, что четыре и шестнадцать равны двадцати, а два-
дцать лет – такой возраст, о котором не дерзали мечтать даже самые смелые девочки.

И маленькие боготворили Сару. Она часто приглашала в свою комнату этих презираемых
всеми крошек. Она позволяла им играть с Эмили и угощала их жиденьким, очень сладким чаем
из чашечек Эмили, на которых были нарисованы хорошенькие голубые цветочки. Никогда ни
у одной куклы не было такого чудного сервиза! А сама Сара настоящая королева, даже богиня.
К такому заключению пришли все учившие азбуку девочки.

Лотти Лег обожала Сару до такой степени, что, не будь у той доброго сердечка, эта четы-
рехлетняя крошка, наверное, надоела бы ей. Когда мама Лотти умерла, молодой, легкомыслен-
ный папаша отдал девочку в школу, потому что положительно не знал, что с ней делать. А так
как с Лотти обращались с самого рождения как с любимой куклой или балованной собачкой,
то из неё вышло ужасное маленькое создание. Когда она хотела или не хотела чего-нибудь,
то сейчас же начинала плакать и кричать. А так как ей всегда хотелось того, чего ей нельзя
было дать, и, наоборот, не хотелось того, что было необходимо, то её пронзительный голосок
и заунывные вопли постоянно слышались то в одной части дома, то в другой.

Какими-то таинственными путями Лотти узнала, что если девочка очень рано лишится
матери, то её нужно жалеть и всячески баловать. Должно быть, она слышала, как это говорили
взрослые, когда умерла её мама. И Лотти старалась извлечь как можно больше пользы из своего
положения.

Раз, идя в гостиную, Сара услышала голоса мисс Минчин и мисс Амелии. Они употре-
бляли все силы, чтобы заставить замолчать какую-то девочку, заливавшуюся сердитым плачем
и, по-видимому, не желавшую остановиться. И она завывала так пронзительно, что мисс Мин-
чин принуждена была, хоть и с большим достоинством, кричать, чтобы быть услышанной.

– Что она ревет? – громовым голосом спросила она.

– О-о-о! – услышала Сара. – У меня нет ма-м-мы!

– Перестань, Лотти! – взвизгнула мисс Амелия. – Перестань, моя милочка. Пожалуйста, не плачь!

– О! О! О! – ещё пронзительнее завывала Лотти. – У меня нет ни-ка-кой мам-м-мы!

– Её следует высечь! – объявила мисс Минчин. – Я высеку тебя, негодная девчонка!

Лотти заревела ещё громче, а голос мисс Минчин, постепенно повышаясь, загремел, как гром. Потом она вдруг в бессильном негодовании соскочила с кресла и бросилась из комнаты, оставив мисс Амелию улаживать дело, как знает.

Сара стояла в передней, раздумывая, не войти ли ей в комнату; она накануне познакомилась с Лотти и думала, что ей, может быть, удастся успокоить девочку.

Выйдя из гостиной, мисс Минчин, к величайшему своему неудовольствию, увидела Сару. Ей было неприятно, что Сара слышала, как она отчитывала Лотти. Она сознавала, что кричала слишком громко и что тон её был не совсем приличен.

– Ах, это вы, Сара! – сказала она, стараясь улыбнуться.

– Я остановилась, услышав, что Лотти плачет, – объяснила Сара. – Я подумала, что мне, может быть, удастся успокоить её. Можно мне попробовать, мисс Минчин?

– Да, если хотите, – процедила та сквозь зубы, но, заметив, что её суровый вид испугал Сару, снова улыбнулась и сказала уже гораздо мягче: – Вы умная девочка и, пожалуй, сумеете справиться с нею. Войдите.

И мисс Минчин удалилась.

Войдя в комнату, Сара увидела, что Лотти лежит на полу и, горько рыдая, изо всей силы колотит по нему своими толстыми ножками, а мисс Амелия с красным потным лицом стоит в совершенном отчаянии на коленях, наклонившись над ней.

Лотти помнила, что, живя дома, она всегда начинала плакать и колотить об пол ногами, когда ей хотелось чего-нибудь, и что это средство всегда помогало. А потому она постоянно прибегала к нему и в школе. Бедная же толстая мисс Амелия совсем растерялась и пробовала то одно, то другое средство, стараясь успокоить её.

– Бедная, милая крошка! – говорила она. – Я знаю, что у тебя нет мамы, бедняжка! – А потом вдруг начинала совсем другим тоном: – Замолчи, Лотти! Если ты не замолчишь, я накажу тебя!.. Бедный ангельчик! Опять? Опять? Вот ты увидишь, что я высеку тебя, скверная, отвратительная девчонка! Непременно высеку!

Сара тихо подошла к ним. Она не знала, что будет делать, но как-то смутно чувствовала, что не следует говорить с Лотти то грозно, то нежно и таким возбуждённым тоном.

– Мисс Амелия, – тихонько сказала она, – мисс Минчин позволила мне попробовать успокоить её. Можно?

Мисс Амелия обернулась и беспомощно взглянула на неё.

– Неужели вы думаете, что вам удастся? – прошептала она.

– Не знаю, удастся ли мне, – также шёпотом ответила Сара, – но я хочу попробовать.

Облегчённо вздохнув, мисс Амелия с трудом поднялась с колен, а толстенные ножки Лотти продолжали изо всей силы барабанить по полу.

– Если вы уйдёте из комнаты, – шепнула Сара, – я останусь с ней.

– О, Сара! – чуть не плача сказала мисс Амелия. – У нас никогда не бывало такой ужасной воспитанницы. Не знаю, будем ли мы в состоянии держать её в школе.

И она вышла из комнаты очень довольная, что может со спокойным сердцем сделать это.

Сара стояла некоторое время над сердито завывавшей Лотти и молча смотрела на неё, а потом тоже села на пол рядом с ней и стала ждать. Она не говорила ничего, и в комнате раздавались только пронзительные вопли Лотти. Это было новостью для мисс Лег: когда она начинала плакать, её обыкновенно то бранили, то упрасивали, то угрожали ей, то ласково уго-

варивали её. Так бывало всегда, и она привыкла к этому. А лежать на полу и стучать ногами, когда около тебя сидит кто-то, по-видимому не обращая на тебя никакого внимания, по меньшей мере странно. Лотти открыла свои крепко зажмуренные глазки, из которых лились слёзы, чтобы узнать, кто это, и увидела, что около неё сидит тоже девочка. Но у этой девочки есть Эмили и много других хороших вещей. И она смотрит совершенно спокойно, как будто думая о чём-то. Замолчав на несколько секунд, чтобы ознакомиться с положением дела, Лотти решила, что пора приняться за прежнее. Но тишина в комнате и спокойное лицо Сары сделали своё дело, и первый вопль мисс Лег вышел довольно натянутый.

– У ме-ня нет ни-ка-кой мам-ммы! – объявила она, но голос её был уже далеко не так громок и решителен, как прежде. Сара спокойно, но с участием взглянула на неё.

– И у меня нет, – сказала она.

Это было так неожиданно, что Лотти остановилась, поражённая. Она опустила ноги, перевернулась и устремила глаза на Сару. Увидав или услышав что-нибудь новое, ребёнок сейчас же переставал плакать. К тому же Лотти не любила ни мисс Минчин, которая была слишком строга, ни мисс Амелию, которая была безрассудно снисходительна, а Сара ей нравилась, хоть она и мало знала её. Лотти, в сущности, не хотелось забывать о своём горе, но слова Сары развлекли её, и она, капризно всхлипнув, спросила:

– Где же она?

Сара помолчала с минуту. Ей говорили, что её мама на небе, и она, после долгих размышлений, составила себе своё собственное представление об этом.

– Она на небе, – ответила она, – но я уверена, что она приходит оттуда, чтобы взглянуть на меня, хоть сама я и не вижу её. То же самое делает и твоя мама. Может быть, они обе видят нас теперь. Может быть, они обе здесь, в комнате.

Лотти села и огляделась кругом. Это была хорошенькая кудрявая девочка с голубыми, как незабудки, глазами. Если её мама смотрела на неё в продолжение последнего получаса, то, наверное, должна была прийти к заключению, что у неё далеко не ангельский характер.

А Сара продолжала рассказывать, и Лотти невольно заслушалась. Ей тоже говорили, что её мама на небе и что у неё есть крылья; ей показывали и картинки, на которых были нарисованы ангелы в белых одеждах. Но Сара рассказывала иначе, гораздо живее, как будто знала это чудное место и тех, кто живёт там.

Что бы ни стали рассказывать Лотти, она всё равно перестала бы плакать и начала слушать; но эта история особенно ей понравилась. Она пододвинулась к Саре и жадно ловила каждое её слово до тех пор, пока та не закончила. А закончила она, по мнению Лотти, слишком скоро. И это было очень неприятно.

– Я тоже хочу туда! У меня нет никакой мамы в школе! – воскликнула она, и нижняя губка её задрожала и стала опускаться.

Увидав этот зловеющий признак, Сара взяла Лотти за руку и нежно прижала её к себе.

– Я буду твоей мамой, – сказала она. – Мы будем играть, как будто ты моя дочка. А Эмили станет тогда твоей сестрой.

Лотти улыбнулась, и ямочки появились у неё на щеках.

– Моей сестрой? – спросила она.

– Конечно, – ответила Сара, вскочив с пола. – Пойдём и расскажем ей, а потом я умою и причешу тебя.

Лотти с радостью согласилась и побежала с Сарой наверх, по-видимому совсем забыв, что единственной причиной разыгравшейся в гостиной трагедии и появления величественной мисс Минчин был отказ её, Лотти, умыться и причесаться к завтраку.

И с этого дня Сара стала её приёмной матерью.

Глава пятая

Бекки

Сара великолепно рассказывала волшебные сказки, да и сама умела придумывать их. И популярность её среди воспитанниц возросла главным образом благодаря этому дару, а не тому, что она была богата и занимала всегда и всюду первое место. Лавиния и некоторые другие воспитанницы завидовали Саре, но, слушая её, невольно поддавались очарованию.

Всякий учившийся в школе знает, как ценится тот, кто знает много сказок и умеет рассказывать их, как за ним ухаживают, как упрашивают рассказать что-нибудь и как жадно ловят каждое его слово. А Сара не только умела, но и любила рассказывать. Когда, стоя или сидя среди девочек, она начинала выдумывать какую-нибудь удивительную историю, зелёные глаза её расширялись и сверкали, она помогала себе жестами, то повышая, то понижая голос. Сара сама забывала тогда, что рассказывает жадно слушающим её детям; она воочию видела волшебниц или королей, королев и прекрасных дам, о которых говорила, она жила их жизнью. Иногда, кончив какую-нибудь сказку, Сара, задыхаясь от волнения, прикладывала руку к груди и с улыбкой шептала как бы про себя:

– Когда я рассказываю, мне кажется, что это не выдуманно, а происходит на самом деле. Так же ясно, как вас, как вот эту комнату, вижу я всех, про кого говорю, а сама становлюсь по очереди то тем, то другим из них. Это очень странно!

Раз в пасмурный зимний день, года два спустя после поступления в школу, Сара поехала кататься. Вернувшись назад и выходя из экипажа в своей роскошной бархатной, отороченной мехом кофточке, она увидела в садике какую-то грязную девочку, которая, широко открыв глаза и вытянув шею, внимательно глядела на неё через решётку. Робкое и в то же время возбуждённое лицо этой девочки привлекло внимание Сары, и она взглянула на неё ещё раз, а взглянув, улыбнулась.

Сара улыбалась всем.

Но обладательница грязного лица и широко открытых глаз, должно быть, испугалась, как бы ей не пришлось отвечать за то, что она смотрит на такую важную воспитанницу. И, бросившись в кухню, она исчезла так быстро, что Сара невольно бы рассмеялась, если бы эта девочка не казалась такой несчастной и запуганной.

В тот же день вечером Сара, окружённая слушательницами, сидела в уголке класса и рассказывала одну из своих волшебных сказок. Вдруг та же самая девочка робко вошла в комнату, держа в руках слишком тяжёлый для неё ящик с углём. Поставив его около камина, она опустилась на колени и начала подкладывать уголь и выгребать золу.

Теперь она была не такая грязная, как днём, но казалась такой же испуганной. Она, по-видимому, боялась смотреть на воспитанниц и не хотела дать им заметить, что слушает сказку. Она клала уголь очень осторожно, стараясь не стучать, и выгребала золу очень тихо. Но Сара тотчас же увидела, что сказка сильно заинтересовала её и что она нарочно делает всё очень медленно, в надежде услышать побольше. И, заметив это, Сара стала говорить громче.

– Русалки тихо плыли, отражаясь в прозрачной зелёной воде, – рассказывала она, – и тянули за собой сеть, в которую были вплетены крупные жемчужины, найденные в глубине моря. А принцесса сидела на белом утёсе и смотрела на них.

Это была чудесная сказка про принцессу, которую полюбил морской король и которая ушла к нему и стала жить с ним в сверкающем дворце на дне моря.

Маленькая служанка вымела золу раз, потом другой и, наконец, третий. И когда она вымела её в третий раз, сказка так очаровала её, что она забыла обо всём на свете и, присев на пятки, сжала щётку в руке. А Сара продолжала рассказывать, и до того живо, что бедная девочка как бы видела перед собою таинственные пещеры в морской глубине, освещённые

нежным голубоватым светом и выстланные песком из чистого золота. Ей казалось, что странные морские цветы и трава качаются около неё, а издали доносятся тихое пение и музыка. Щётка выпала из загнувшейся от работы руки маленькой служанки.

– Она слушала, – сказала Лавиния, взглянув на неё.

Преступница вскочила, подняла щётку, схватила ящик с углём и, как перепуганный заяц, в одно мгновение исчезла.

Сара рассердилась на Лавинию.

– Я знала, что эта девочка слушает, – сказала она. – Почему же ей нельзя слушать?

Лавиния грациозно покачала головой.

– Не знаю, как бы взглянула твоя мама, будь она жива, если бы ты вздумала рассказывать сказки прислуге, – сказала она. – Моей маме это, во всяком случае, было бы неприятно.

– А я уверена, что моя мама позволила бы мне это, – горячо возразила Сара. – Сказки – для всех... Пойдём, Лотти!

И Сара вышла из комнаты, надеясь встретить маленькую служанку, но той не видно было нигде.

– Какая это девочка топчет камин? – спросила вечером Сара у Мариетты.

– Ах, хорошо, что *mademoiselle* Сара обратила на неё внимание. Это жалкая, одинокая девочка. Она поступила на место судомойки, но на неё взваливают всякую работу. Она чистит сапоги и решётки каминов, таскает вверх и вниз по лестнице тяжёлые ящики с углём, моет полы и окна и исполняет приказания всех и каждого. Мне от души жаль её. Она очень робка, и если заговорить с ней, она так таращит свои бедные, испуганные глаза, что кажется, будто они сейчас выскочат.

– Как её зовут? – спросила Сара. Она сидела около стола и, опершись подбородком на руки, внимательно слушала.

– Её зовут Бекки. Чуть не через каждые пять минут внизу кричат: «Бекки, сделай то!», «Бекки, сделай это!».

После ухода Мариетты Сара сидела некоторое время, глядя на огонь и думая о Бекки. У неё в уме начинала складываться сказка, в которой та была несчастной героиней. По лицу Бекки можно было подумать, что она никогда не наедается досыта; даже глаза у неё были какие-то голодные.

Сара надеялась, что ей удастся встретиться и поговорить с нею; но хоть иногда ей и случалось видеть мельком, как Бекки бежала то вверх, то вниз по лестницам, но поговорить с ней не было никакой возможности. Она всегда торопилась и так боялась попасться кому-нибудь на глаза, что старательно избегала всяких встреч.

Однако через несколько недель, тоже в пасмурный день, желание Сары исполнилось. Войдя в свою гостиную, она увидела странное зрелище. На её любимом мягком кресле, стоявшем около камина, сидела Бекки. Нос её был перепачкан в угле, несколько пятен от угля было на фартуке, чепчик сполз на одну сторону, а на полу, около неё, стоял пустой ящик из-под угля. Положив голову на подушку, Бекки крепко спала, утомившись, должно быть, от тяжёлой, непосильной работы.

Её послали наверх убирать спальни. Их было очень много, и она всё утро бегала то туда, то сюда. Спальню и гостиную Сары она оставила на конец. Комнаты других воспитанниц были меблированы просто, и в них стояли лишь самые необходимые вещи. А гостиная Сары казалась Бекки необыкновенно роскошной, хотя на самом деле это была только хорошенькая, светлая комнатка. Но в ней стояли диван и низкое мягкое кресло; в ней были картины, книги и редкие вещицы из Индии, в камине всегда горел весёлый огонёк, и Эмили величественно восседала на своём собственном кресле. Бекки приберегала комнаты Сары к концу, потому что любила бывать в них. И каждый раз, входя сюда, она садилась на несколько минут в мягкое кресло,

около камина, и думала о Саре. Ах, как счастлива эта богатая мисс Кру, у которой столько великолепных вещей и которая ездит кататься в роскошных шляпах и кофточках!

Теперь Бекки тоже села в кресло. И так хорошо стало её бедным усталым ногам, такое блаженное чувство покоя охватило её, что всё её утомление сразу прошло. А от огня, пылавшего в камине, приятная истома всё больше овладевала ею. Лёгкая улыбка промелькнула у неё на губах, голова опустилась на подушку, глаза закрылись, и она заснула.

Сара вошла в гостиную всего минут через десять после этого, но Бекки успела уже так крепко заснуть, что казалось, будто она, как Спящая красавица, спит целые сотни лет. Однако по наружности бедная Бекки нисколько не походила на Спящую красавицу. Это была маленькая, некрасивая, измученная непосильной работой девочка.

Сара казалась сравнительно с ней существом из другого мира, до того велика была разница между ними.

В этот день был урок танцев, а эти уроки считались в школе важным событием. Воспитанницы одевались для них в самые лучшие свои платья, а так как Сара танцевала очень хорошо и учитель всегда ставил её впереди, то Мариетта старалась, чтобы она была как можно наряднее.

Теперь на Саре было розовое платье, а на её чёрные волосы Мариетта надела венок из розовых бутонов. Сара выучила новый прелестный танец и скользила, и порхала по зале, как большая розовая бабочка. На лице её была радостная улыбка, и она раскраснелась от танцев и удовольствия.

Она легко вбежала в комнату и увидела Бекки в сдвинутом набок чепчике.

– Бедняжка! – прошептала Сара.

Она нисколько не рассердилась, что на её хорошеньком любимом кресле сидит девочка в грязном, перепачканном в угле платье. Она даже обрадовалась, увидав Бекки. Теперь, когда несчастная героиня её сказки проснётся, с ней можно будет поговорить. Сара тихонько подошла к ней и остановилась, глядя на неё. Бекки слегка всхрипнула.

«Хорошо, если бы она проснулась сама, – подумала Сара. – Мне не хотелось бы будить её, но мисс Минчин рассердится, если увидит её здесь. Подожду ещё немножко».

Она села на стул и, болтая ногами, задумалась, не зная, что делать. Мисс Амелия могла войти каждую минуту, и тогда Бекки достанется.

«Но она так устала, – думала Сара, – так ужасно устала!»

В эту минуту маленький уголёк вывел её из затруднения. Он отломился от большого куска и упал на решётку. Бекки вздрогнула и открыла глаза. Господи, что такое?.. Неужели она заснула?

Она присела только на минутку, наслаждаясь теплом и отдыхом, и вдруг – какой ужас! – её застали спящей! Около неё, точно розовая бабочка, сидит мисс Кру и смотрит на неё!

Бекки вскочила и схватилась за свой чепчик. Он сполз ей на ухо, и она порывисто сдвинула его на другой бок. Господи, что ей будет теперь за то, что она осмелилась заснуть в кресле мисс Кру? Ей, наверное, откажут от места и не заплатят жалованья!

У Бекки вырвался похожий на рыдание вздох.

– О, мисс! – заикаясь, проговорила она. – О, мисс, простите меня! Пожалуйста, простите!

Сара вскочила со стула и подошла к ней.

– Не бойся, – ласково сказала она. – Это ничего не значит.

– Я заснула нечаянно, мисс, – продолжала Бекки. – От огня было тепло, а я так устала!

Сара засмеялась и положила руку ей на плечо.

– Я понимаю, – сказала она, – ты устала и не заметила, как заснула. Ты и теперь ещё не совсем проснулась.

Бекки с изумлением глядела на Сару. Никто никогда не говорил с ней так ласково. Она привыкла выслушивать приказания и брань и получать толчки. А эта маленькая мисс, вся в розовом, смотрит на неё с такой добротой, как будто она совсем не виновата, как будто она

имеет право устать и даже заснуть! И прикосновение маленькой нежной ручки к её плечу казалось Бекки чем-то необыкновенным.

– Вы... вы не сердитесь на меня, мисс? – пробормотала она. – Вы не скажете хозяйке?

– Нет! – воскликнула Сара. – Конечно, не скажу!

На лице Бекки застыл такой ужас, что Саре было тяжело смотреть на неё.

– По-настоящему между нами нет никакой разницы, – прибавила она. – Я такая же девочка, как ты. Ведь это простая случайность, что я не ты, а ты не я.

Бекки не поняла ни слова: такие мысли были недоступны ей. «Случайность?» Должно быть, маленькая мисс говорит про какой-нибудь «несчастный случай». Верно, кто-нибудь упал с лестницы или кого-нибудь переехали и отвезли в больницу.

– Случайность, мисс? – почтительно проговорила она. – Неужели?

– Конечно, так, – ответила Сара и с минуту задумчиво глядела на неё, а потом переменяла разговор, видя, что Бекки не понимает её.

– Кончила ты свою работу? – спросила она. – Можешь побыть здесь немножко?

Бекки с трудом перевела дыхание.

– Здесь, мисс? Я?

Сара подбежала к двери, открыла её и огляделась по сторонам.

– Тут нет никого, – сказала она. – Если ты кончила убирать спальни, то побудь у меня немного. Я думала... ты, может быть, хочешь кусочек сладкого пирога?

Следующие десять минут показались Бекки каким-то чудным сном. Сара открыла шкаф, дала ей большой кусок пирога и с удовольствием смотрела, как та жадно ела его. Она расспрашивала Бекки, смеялась, так что страх маленькой служанки мало-помалу прошёл и она, набравшись смелости, тоже решилась задать Саре один вопрос.

– Это... – начала она, с восхищением глядя на её розовое платье, – это самое лучшее ваше платье?

– Это одно из платьев, которые я надеваю на уроки танцев, – ответила Сара. – Оно хорошенькое – правда?

В течение нескольких секунд Бекки не могла выговорить ни слова от изумления, а потом сказала:

– Раз я видела принцессу. Я стояла на улице вместе с народом и смотрела, как богатые господа подъезжали к театру. На одну леди все смотрели больше, чем на других, и говорили, что это принцесса. Всё было у неё розовое – платье, накидка, цветы. Я сейчас же вспомнила о ней, когда увидела вас, мисс. Вы очень похожи на неё.

– Я часто думала, – тихо проговорила Сара, – что хорошо быть принцессой. Не знаю, как чувствуют себя тогда. Я, может быть, попробую представить себе, что я принцесса.

Бекки с восторгом глядела на неё, хотя опять-таки ничего не понимала.

Сара на минуту задумалась, а потом снова заговорила.

– Бекки, – спросила она, – ты слушала, когда я рассказывала сказку?

– Да, мисс, – созналась, немного встревожившись, Бекки. – Я знаю, что мне не следовало слушать, но сказка была такая хорошая, что я не могла удержаться.

– Я очень рада, что ты слушала её, – сказала Сара. – Когда рассказываешь сказки, то всегда хочется, чтобы их слушали с удовольствием. Рассказать тебе эту сказку до конца?

Бекки снова с трудом перевела дыхание.

– Мне?! – воскликнула она. – И я узнаю всё о морском короле... и о маленьких русалочках, которые плавают и смеются... а в волосах у них блестят звёздочки?

Сара кивнула.

– Теперь тебе, должно быть, некогда слушать, – сказала она, – но если я буду знать, в какое время ты убираешь мои комнаты, то постараюсь приходить сюда и понемножку рассказывать

тебе, пока не дойду до конца. Это очень длинная сказка, и я каждый раз прибавляю к ней что-нибудь новенькое.

– Тогда я не буду чувствовать, какой тяжёлый ящик с углём, – прошептала Бекки, – не буду обращать внимание на брань и побои кухарки. У меня будет о чём думать, если вы расскажете мне эту сказку.

– Да, я расскажу тебе всё, – подтвердила своё обещание Сара.

Когда Бекки пошла вниз, это была уже не та Бекки, которая поднималась наверх, сгибаясь под тяжестью ящика с углём. В кармане у неё лежал запасной кусок сладкого пирога, она была сыта, и ей было тепло, но не только от пирога и от огня. Что-то другое наплато и согрело её, и это другое была доброта Сары.

После ухода Бекки Сара присела на край стола. Она поставила ноги на стул, оперлась локтями на колени, а подбородком на руки.

– Если бы я была принцесса, – прошептала она, – настоящая принцесса, то я могла бы давать другим всё, что им нужно.

Глава шестая

Алмазные россыпи

Вскоре после этого Сара получила известие, взволновавшее не только её, но и всю школу и служившее в течение нескольких недель предметом самых оживлённых толков.

В своём последнем письме капитан Кру сообщил дочери поразительную новость. Его близкий друг, с которым он в детстве учился в одной школе, неожиданно приехал в Индию, чтобы повидаться с ним. Он купил большой участок земли, на котором были потом найдены алмазные россыпи. Их уже начали разрабатывать, и по всему видно, что друг его станет обладателем такого богатства, от одной мысли о котором может закружиться голова. А так как он любит его, капитана Кру, то и предлагает ему сделаться его партнёром и разделить с ним это богатство.

Вот всё, что поняла Сара из письма отца.

Всякое другое предприятие, как бы выгодно оно ни было, не вызвало бы большого интереса ни у неё, ни у других. Но алмазные россыпи – это было как будто из «Тысячи и одной ночи», и никто не мог остаться равнодушным.

Саре они казались чем-то волшебным, и она часто описывала Эрменгарде и Лотти лабиринт перекрещивающихся глубоко в недрах земли галерей, на стенах и потолках которых сверкали драгоценные камни. И странные темнокожие люди с тяжёлыми кирками добывали их оттуда.

Эрменгарда приходила в восторг, слушая Сару, а Лотти требовала, чтобы её приёмная мама рассказывала ей про алмазные копи каждый вечер.

Лавиния завидовала Саре, но говорила Джесси, что не верит в существование алмазных россыпей.

– У моей мамы есть кольцо с бриллиантом, а это тот же алмаз, только иначе гранённый, – говорила она. – Оно стоит сорок фунтов стерлингов, а между тем камень совсем небольшой. Если бы существовали алмазные россыпи, то люди разбогатели бы до смешного.

– Может быть, и Сара разбогатеет до того, что станет смешна, – с улыбкой заметила Джесси.

– Она смешна и без богатства, – фыркнула Лавиния.

– Мне кажется, ты ненавидишь её, – заметила Джесси.

– Нет, не ненавижу, – отрезала Лавиния. – Но я не верю в алмазные россыпи.

– Однако ведь откуда-нибудь да добывают же люди алмазы, – возразила Джесси. – А знаешь, Лавиния, что говорит Гертруда? – прибавила она, снова усмехнувшись.

– Конечно, не знаю, да и не интересуюсьнисколько, если дело идёт об этой вечной Саре.

– Да, о ней. Ты знаешь, она ведь любит придумывать что-нибудь необыкновенное. Теперь она представляет себе, будто она принцесса, и старается держать себя так даже в классе. Она говорит, что это помогает ей лучше учить уроки. Ей хочется, чтобы и Эрменгарда представляла себя принцессой, но та считает себя слишком толстой для этого.

– Да, она слишком толста, – сказала Лавиния, – а Сара слишком худа.

Джесси, конечно, и на этот раз не могла не засмеяться.

– Сара говорит, что тут дело не в наружности или богатстве, а в мыслях и поступках.

– Она, вероятно, воображает, что могла бы быть принцессой даже и в том случае, если бы была нищей, – сказала Лавиния. – Станем называть её «ваше королевское высочество».

Уроки в этот день уже кончились, и приятельницы сидели в классе около камина. Это время дня особенно любили все девочки. Мисс Минчин и мисс Амелия по окончании уроков пили чай в своей столовой, недоступном для учениц святилище. В эти часы старшие девочки вели самые душевные разговоры, поверяли друг другу самые сокровенные тайны, в особен-

ности если маленькие не ссорились и не бегали с визгом и криком, что, надо сознаться, они проделывали почти всегда.

Когда маленькие поднимали шум, старшие обыкновенно останавливали их, причём обращались с ними не особенно вежливо. Они знали, что если шум не прекратится, то явится мисс Минчин или мисс Амелия, и всё их удовольствие будет испорчено.

Ещё не успела Лавиния окончить свою фразу, как дверь отворилась и вошли Сара с Лотти, которая всюду ходила за ней по пятам, как маленькая собачка.

– Вот она – и с этой отвратительной девчонкой! – шепнула Лавиния. – Если Сара так любит её, то почему не держит у себя в комнате? Не пройдёт и пяти минут, как она заревёт.

Лотти внезапно почувствовала непреодолимое желание поиграть в классной комнате и попросила свою приёмную маму пойти туда с нею. Войдя в класс, Лотти присоединилась к маленьким, игравшим в уголке, а Сара села на подоконник и, развернув книгу, стала читать.

Это была история Французской революции, и девочка забыла обо всём на свете, читая описание мук, какие выносили заключённые в Бастилии. Эти несчастные провели много лет в тюрьме, и когда их наконец освободили, они уже забыли, что на свете есть ещё что-нибудь, кроме тюрьмы, и чувствовали себя как во сне. А седые волосы и бороды их были так длинны, что почти совсем закрывали им лица.

Мысли Сары унеслись так далеко от школы, что ей было очень неприятно, когда пронзительный вопль Лотти принудил её вернуться к действительности. Ей всегда бывало очень трудно удержаться от гневной вспышки, если её неожиданно отрывали от чтения.

– Я чувствую тогда, как будто меня ударили, и мне хочется ударить самой, – признавалась она Эрменгарде. – И я стараюсь поскорее опомниться, чтобы удержаться от какой-нибудь грубой выходки.

Саре пришлось опомниться как можно скорее, когда, положив книгу на подоконник, она соскочила на пол с подоконника.

Лотти скользила некоторое время по полу, как по льду, раздражая шумом Лавинию и Джесси, и кончила тем, что упала и ударилась об пол своей пухленькой коленкой. Этого, конечно, не было никакой возможности стерпеть молча. Лотти завизжала и начала колотить ногами по полу, между тем как друзья и недруги окружили её и поочередно то бранили, то старались успокоить ласковыми словами.

– Молчи, плакса! Перестань сию же минуту! – скомандовала Лавиния.

– Я не плакса, не плакса! – захлёбываясь от рыданий, возразила Лотти. – Сара, Сара!

– Если она не замолчит, мисс Минчин услышит её, – сказала Джесси. – Лотти, моя милочка, я дам тебе пенни.

– Мне не нужно вашего пенни, – прорыдала Лотти и взглянула на своё колено. Увидав на нём капельку крови, она заплакала ещё громче.

Сара подбежала к ней и, присев на пол, обняла её.

– Перестань, Лотти, – сказала она. – Ты ведь обещала мне.

– Она говорит, что я плакса, – хныкая, пожаловалась Лотти.

Сара погладила её по голове, но сказала твёрдым, решительным тоном, который Лотти хорошо знала:

– Ты и будешь плаксой, если не перестанешь. Ты обещала мне, Лотти.

Лотти вспомнила своё обещание, но всё-таки не сдавалась.

– У меня нет мамы, – заявила она, как всегда заявляла в тяжёлые минуты. – У меня нет никакой мамы!

– Нет, есть, – весело сказала Сара. – Разве ты забыла, что я твоя мама? Или ты не хочешь, чтобы я была твоей мамой?

Лотти, утешенная её словами, прижалась к ней.

– Пойдём, сядем на подоконник, – продолжала Сара, – и я расскажу тебе сказку.

– Расскажешь? – всхлипывая, проговорила Лотти. – Расскажи-мне-про-алмазные-россыпи!

– Алмазные россыпи! – воскликнула Лавиния. – Ах ты отвратительная, избалованная девчонка! С каким удовольствием я отшлёпала бы тебя!

Сара вскочила с пола. Ей и так пришлось оторваться от интересной книги и успокаивать свою приёмную дочку, а тут ещё Лавиния вздумала вмешиваться. Сара всё-таки была не ангел и к тому же не любила Лавинию.

– А я с удовольствием отшлёпала бы тебя, – с жаром сказала Сара, – но я не сделаю этого, – прибавила она, сдерживаясь. – Мы обе уже не маленькие и должны знать, как следует держать себя.

Лавиния поспешила воспользоваться удобным случаем.

– О да, ваше королевское высочество! – ответила она. – Ведь мы, кажется, принцессы – или, по крайней мере, хоть одна из нас. Какая честь нашей школе! Мисс Минчин может гордиться – у неё учится принцесса!

Слова Лавинии больно задели Сару. Представлять себе что-нибудь доставляло ей большое удовольствие, и она никогда не говорила об этом с девочками, которых не любила. Теперь она представляла себе, как будто она принцесса. Эту новую фантазию она принимала очень горячо к сердцу и лишь очень немногим говорила о ней. Она думала, что это тайна для всех, а между тем Лавиния смеялась над ней при всех воспитанницах.

Кровь бросилась в лицо Саре, и у неё зашумело в ушах. Но она снова сдержалась: принцесса не должна выходить из себя и поддаваться вспышкам гнева. Некоторое время Сара стояла молча, а когда она заговорила, голос её был твёрд и спокоен. Все девочки окружили её и Лавинию и внимательно слушали.

– Это правда, – сказала она. – Я действительно иногда представляю себе, как будто я принцесса. А потому я и стараюсь избегать выходок, не подходящих для принцессы.

В первую минуту Лавиния не могла найти подходящего ответа. Ей очень часто случалось не находить подходящего ответа, когда она говорила с Сарой. Происходило это отчасти оттого, что все слушательницы были, казалось, всегда на стороне Сары. Лавиния видела, что они и теперь слушают с большим интересом. Дело в том, что принцессы, вообще-то говоря, пользовались их расположением, и, надеясь услышать что-нибудь новое о них, они пододвинулись к Саре.

Наконец Лавиния придумала довольно ядовитый ответ, который, однако, не произвёл никакого впечатления.

– О Боже! – воскликнула она. – Надеюсь, что, сделавшись королевой, вы не забудете нас.

– Нет, не забуду, – спокойно ответила Сара и, не прибавив больше ни слова, стояла молча и пристально смотрела на неё.

Лавиния взяла Джесси за руку и ушла.

С этих пор девочки часто говорили между собою о «принцессе Саре». Те, которые завидовали ей, произносили этот титул презрительно, а многие, любившие её, – с нежностью и гордостью. Мисс Минчин узнала об этом прозвище и не раз упоминала о нём родным воспитанниц. Ей казалось, что оно придаёт её школе что-то в высшей степени аристократическое.

Бекки считала Сару самой настоящей принцессой. Знакомство их, начавшееся в туманный день, когда Бекки заснула в мягком кресле в гостиной Сары, продолжалось и крепло. Мисс Минчин и мисс Амелия ничего не знали об этом. Они думали, что Сара «добра» к судомойке, но не подозревали, какие блаженные минуты выпадали на долю Бекки, когда она, с головокружительной быстротой убрав комнаты верхнего этажа, входила в гостиную Сары и с облегчённым вздохом ставила на пол тяжёлый ящик с углём.

В это время рассказывались по частям чудные волшебные сказки и съедались разные вкусные вещи или же торопливо прятались в карман и съедались уже потом, когда Бекки ложилась спать на своём чердаке.

– Но я должна есть очень осторожно, мисс, – как-то раз сказала она. – Если останутся крошки, то за ними придут ночью крысы.

– Крысы! – с испугом воскликнула Сара. – Разве там есть крысы?

– Их целая куча, мисс, – ответила Бекки так, будто в этом не было ничего особенного. – На чердаке очень много крыс и мышей. Они постоянно возятся и грызут пол. Я уже привыкла к этому и не обращаю на них внимания, лишь бы они не бегали по моей подушке.

– Какой ужас! – вскрикнула Сара.

– Ко всему можно привыкнуть, – философски заметила Бекки. – Вы бы тоже привыкли, мисс, если бы были судомойкой. По-моему, крысы всё-таки лучше тараканов.

– И по-моему, лучше, – согласилась Сара. – Мне кажется, крысу можно приручить и даже подружиться с нею, а дружить с тараканом я бы не хотела.

Иногда Бекки могла провести лишь несколько минут в светлой тёплой комнате. Тогда девочки успевали перемолвиться только немногими словами, и какой-нибудь небольшой свёрток торопливо прятался в старомодный карман Бекки, который она привязывала тесёмками у себя на талии, под верхней юбкой.

Разыскивание съестных припасов, имеющих небольшой объём, придало новый интерес прогулкам Сары. Выезжая или выходя на прогулку, она внимательно смотрела на окна лавок. Когда она в первый раз купила два или три пирожка с мясом, ей показалось, что она сделала открытие.

Глаза Бекки заблестели, когда Сара дала ей пирожки.

– О, мисс! – прошептала она. – Они очень вкусные и сытные. Главное, что сытные. Пирожное, конечно, страсть какое вкусное, но оно как будто тает в желудке, мисс. А пирожки лягут комом и останутся там.

– Не знаю, хорошо ли будет, если они лягут комом и останутся там, – нерешительно проговорила Сара. – Но очень рада, если они нравятся тебе.

Да, они нравились Бекки. Нравились ей и тартинки с мясом, и хлебцы, и сосиски. Мало-помалу в Бекки произошла перемена: она уже не чувствовала постоянного голода и утомления, и ящик с углём казался ей не таким невыносимо тяжёлым, как прежде.

Теперь Бекки терпеливо переносила и нападки кухарки, и непосильную работу: её поддерживала надежда, что ей удастся выбрать свободную минутку и увидеть мисс Сару в её гостиной. На самом деле даже одного свидания с мисс Сарой было бы достаточно и без пирожков. Если за недостатком времени приходилось ограничиться несколькими словами, это были всегда дружеские, ласковые слова, придававшие Бекки бодрость. А если хватало времени на разговор или если Сара успевала рассказать ей кусочек какой-нибудь сказки, у Бекки было о чём вспоминать за работой и вечером, лёжа на чердаке.

Сара не подозревала, как много значит она для Бекки и какой благодетельной волшебницей кажется она ей. Если природа наделила вас великодушным сердцем и щедрым характером, руки ваши и ваше сердце всегда открыты для всех. И если иногда ваши руки пусты, сердце ваше всегда полно и в нём найдутся добрые, ласковые, душевные слова, способные утешить и ободрить, найдётся и весёлый смех, который иногда помогает лучше всего остального.

Бекки в своей недолгой тяжёлой жизни едва ли знала, что такое смех. Сара научила её смеяться и смеялась вместе с нею. И этот смех был так же «сытен», как и пирожки с мясом, хоть ни одна из них и не подозревала этого.

За несколько недель до дня рождения Сары пришло письмо от её отца, написанное не так бодро и весело, как обыкновенно. Он был не совсем здоров, и забота, которую он взял на себя, как партнёр своего товарища, по-видимому, сильно утомила его.

«Я совсем не деловой человек, моя маленькая Сара, – писал он, – и все эти цифры и бумаги надоедают мне. Я никак не разберусь в них, а между тем дело такое огромное. Не будь у меня лихорадки, я, может быть, не ворочался бы с боку на бок половину ночи и меня не мучили бы тревожные сны в другую её половину. Если бы моя маленькая хозяйюшка была здесь, она, вероятно, подала бы мне хороший, мудрый совет. Ведь так, моя маленькая хозяйюшка?»

Отец называл Сару своей «маленькой хозяйюшкой», потому что она была серьёзна не по летам.

Капитан Кру приготовил ей для дня рождения великолепные подарки. В числе их была новая кукла, заказанная в Париже, туалеты которой должны были отличаться царственной роскошью и изяществом.

На вопрос отца о том, будет ли она рада получить в подарок куклу, Сара послала ему довольно странный ответ.

«Я уже теперь совсем большая – мне скоро будет одиннадцать лет, – писала она, – а потому ты никогда больше не дари мне кукол. Эта будет «Последняя кукла». Не правда ли, как это торжественно. Если бы я была поэтом, то написала бы стихотворение «Последняя кукла». Но я не умею писать стихи. Раз я попробовала и сама смеялась над своими стихами. Они были совсем не похожи на стихи Кольриджа или Шекспира.

Никто никогда не займёт места Эмили, но я буду относиться ласково к «Последней кукле» и уверена, что она понравится девочкам. Все они любят кукол, хоть старшие – 14- и 15-летние – и уверяют, что уже не играют в них».

У капитана Кру была страшная головная боль, когда он читал это письмо в своём бунгало в Индии. Перед ним на столе лежала груда бумаг и писем, приводившая его в ужас и отчаяние, но, несмотря на всё это, он рассмеялся так весело, как не смеялся уже давно.

«Она с каждым годом становится всё забавнее, – подумал он. – Дай Бог, чтобы дело поскорее наладилось и мне можно было вернуться домой, к ней. Чего бы я не дал за то, чтобы её ручки обвилились теперь вокруг моей шеи! Чего бы я не дал!»

Рождение Сары предполагалось отпраздновать необыкновенно торжественно. Класс, назначенный для приёма общества, решили украсить зеленью, ящики с подарками распаковать при всех, а в святилище мисс Минчин устроить роскошный пир.

Когда наконец наступил этот день, вся школа была в неопишемом волнении. Утро пролетело быстро, потому что дела было очень много. Класс украсили гирляндами остролистника, пюпитры вынесли, а на скамейки, сдвинутые к стенам, кругом комнаты, надели пунцовые чехлы.

Войдя утром в свою гостиную, Сара увидела на столе небольшой толстенный свёрток в тёмной бумаге. Она знала, что это подарок, подозревала, от кого он, и с тёплым чувством развернула его. В нём лежала квадратная подушечка для булавок, сшитая из красной, не особенно чистой фланели. В неё были воткнуты чёрные булавки так, что из них выходило слово «Поздравляю».

«Господи, сколько труда это стоило ей! – с нежностью подумала Сара. – Я рада, и вместе с тем мне как-то грустно».

Повернув подушечку, она с изумлением увидела на пришпиленной к ней карточке имя мисс Амелии Минчин.

– Мисс Амелия! – воскликнула Сара. – Не может быть!

В эту минуту она услышала, что дверь тихонько отворяется, и увидала Бекки, которая осторожно заглядывала в комнату. С нежной и радостной улыбкой на лице Бекки нерешительно вошла и остановилась около двери.

– Нравится она вам, мисс Сара? – спросила она.

– Конечно, нравится, моя милая Бекки! – воскликнула Сара. – Неужели ты сделала всё это сама?

Бекки радостно всхлипнула, и слёзы восторга показались у неё на глазах.

– У меня была только фланель, мисс, – сказала она, – да и фланель-то не новая. Но мне хотелось подарить вам что-нибудь, и я работала по ночам. Я знала, что вы можете представить себе, как будто подушечка атласная, а булавки бриллиантовые. Я очень старалась, чтобы она была покрасивее. А карточка не моя, мисс, – нерешительно прибавила она. – Ничего, что я вынула её из мусорного ящика? Мисс Амелия выбросила её. У меня нет своей карточки, а потому я и пришила карточку мисс Амелии.

Сара подбежала к Бекки и обняла её. Она чувствовала, что какой-то клубок поднимается у неё в горле, но не могла объяснить почему.

– Благодарю тебя, милая Бекки! – воскликнула она. – Я люблю тебя, очень люблю!

– О, мисс! – взволнованно прошептала Бекки. – Спасибо вам! Но за подушечку не стоит: ведь фланель была не новая.

Глава седьмая

Снова алмазные россыпи

Около полудня Сара вошла в украшенный гирляндами остролистника класс во главе целой процессии. Мисс Минчин в нарядном шёлковом платье вела её за руку. За ними следовал лакей с ящиком, в котором лежала «Последняя кукла», затем служанка несла другой ящик, а в арьергарде шла с третьим Бекки в чистом фартуке и новом чепце.

Саре было бы гораздо приятнее войти в класс просто, без таких церемоний, но мисс Минчин настояла на этом. Она послала за ней и высказала ей своё желание.

– Ваше рождение, дорогая Сара, далеко не простое событие, – сказала она, – и я хочу, чтобы все поняли это и именно так смотрели на него.

Итак, Сару торжественно ввели в класс, и она почувствовала некоторое смущение, когда старшие девочки устремили на неё глаза, подталкивая друг друга локтями, а маленькие завертелись на своих местах. По классу пронёсся сдержанный гул голосов.

– Тише! – сказала мисс Минчин. – Поставьте ящик на стол, Джеймс, и поднимите крышку. Эмма, поставьте свой ящик на стул... Бекки! – вдруг строго сказала она, возвысив голос.

Бекки в возбуждении забыла обо всём на свете и, ухмыляясь, смотрела на Лотти, которая в восторженном ожидании вертелась на своём месте.

Услыхав строгий голос мисс Минчин, Бекки вздрогнула и, чуть не выронив ящик, сделала в своё извинение такой испуганный, смешной книксен, что Лавиния и Джесси засмеялись.

– Вы не должны смотреть на молодых леди, – сказала мисс Минчин. – Вы забываете своё положение. Поставьте ящик.

Перепуганная Бекки поспешно поставила ящик и пошла к двери.

– Вы можете уходить, – объявила слугам мисс Минчин, величественно махнув рукой.

Бекки почтительно отступила от двери, чтобы пропустить вперёд старших слуг, и бросила жадный взгляд на стоявший на столе ящик. Что-то голубое, как будто атласное, виднелось из-под тонкой бумаги.

– Не позволите ли вы, мисс Минчин, остаться Бекки здесь? – спросила вдруг Сара.

Для такого вопроса была нужна большая смелость. Девочки уверяли потом, что, услышав его, мисс Минчин даже слегка подпрыгнула от изумления. Потом она надела очки и тревожно взглянула на Сару.

– Бекки? – воскликнула она. – Моя дорогая Сара!

Сара подошла к ней.

– Я попросила вас, мисс Минчин, оставить её здесь, – сказала она, – потому что ей, вероятно, тоже хочется взглянуть на подарки. Ведь и она маленькая девочка.

Мисс Минчин почувствовала себя шокированной.

– Дорогая Сара, – сказала она, – Бекки – судомойка. А судомойки – гм, гм – не маленькие девочки.

Она действительно никогда не смотрела на них с этой точки зрения. Судомойки – машины, которые моют посуду, носят ящики с углём и топят печи.

– Но Бекки – девочка, – возразила Сара, – и я знаю, что это доставит ей удовольствие. Пожалуйста, мисс Минчин, позвольте ей остаться в честь дня моего рождения.

– В честь дня вашего рождения – извольте, – с достоинством сказала мисс Минчин. – Поблагодарите мисс Сару за её доброту к вам.

Бекки стояла в уголке, в блаженном смущении вертя рубец своего фартука. Сделав неловкий книксен, она выступила вперёд и переглянулась с Сарой.

– О, мисс! – запинаясь, проговорила она. – Я так благодарна вам, мисс! Да, мне очень хочется посмотреть на куклу, мисс. Благодарю вас, мисс. И благодарю вас, сударыня, – прибавила она, обернувшись к мисс Минчин и так же неловко приседая, – за то, что вы позволили мне... иметь... смелость...

Мисс Минчин снова махнула рукой, на этот раз в направлении угла, ближайшего к двери.

– Ступайте и встаньте там, – распорядилась она. – Не подходите близко к молодым леди.

Бекки, улыбаясь, пошла к своему месту. Ей было решительно всё равно, где стоять, лишь бы не уходить в кухню, а остаться в классе и полюбоваться на все сокровища, лежащие в ящиках. Она даже не обратила никакого внимания на мисс Минчин, когда та, откашлявшись, снова заговорила.

– Теперь, молодые леди, – объявила она, – я хочу сказать вам несколько слов.

– Она хочет говорить речь, – шепнула одна из учениц. – Как бы я хотела, чтобы эта речь уже кончилась.

Сара почувствовала себя неловко. Так как был день её рождения, то мисс Минчин будет, по всей вероятности, говорить о ней. А ведь очень неприятно стоять и слушать, как говорят о тебе.

– Вы уже знаете, – начала мисс Минчин, – что дорогой Саре исполнилось сегодня одиннадцать лет.

– Дорогой Саре! – прошептала Лавиния.

– Многие из вас тоже праздновали своё рождение в одиннадцать лет, но рождение Сары значительно отличается от всех остальных. Когда она подрастёт, то станет наследницей громадного богатства, которым, как я уверена, она будет пользоваться достойным образом.

– Алмазные россыпи, – с усмешкой шепнула Джесси.

Сара не слыхала её. Она стояла, устремив свои зеленовато-серые глаза на мисс Минчин, и начинала раздражаться.

Когда мисс Минчин говорила о деньгах, Сара всегда чувствовала к ней ненависть, а ненавидеть взрослых, конечно, не следует.

– Когда её дорогой папа, – продолжала мисс Минчин, – привёз её из Индии и отдал на моё попечение, то, шутя, сказал мне: «Боюсь, мисс Минчин, что она будет очень богата». А я ответила ему на это: «В моей семинарии, капитан Кру, она получит такое образование, какое послужит украшением самого громадного богатства». Сара заняла первое место среди учениц. Её французский язык и танцы делают честь школе. Её манеры – благодаря которым вы прозвали её принцессой – необыкновенно изящны и благородны, а свою любезность она доказала, пригласив вас на свой праздник. Надеюсь, вы цените её великодушие! И мне бы хотелось, чтобы вы выразили это, сказав все вместе: «Благодарим вас, Сара!»

Весь класс поднялся со своих мест, как в то памятное утро, когда Сара вошла в него в первый раз.

– Благодарим вас, Сара! – сказали все, а Лотти запрыгала от радости.

Сара на минуту смутилась, но тотчас же оправилась.

– Благодарю вас, что вы приняли моё приглашение, – ответила она.

– Очень мило, Сара, – одобрила мисс Минчин. – Так могла бы ответить и настоящая принцесса на приветствия народа... Лавиния, – строго сказала она, обратившись к Лавинии, – мне кажется, что вы позволили себе фыркнуть? Если вы завидуете своей подруге, то я попросила бы вас выразить свои чувства более приличным для молодой леди образом... Ну, а теперь я оставляю вас.

Как только мисс Минчин вышла из комнаты, чары, которые её присутствие всегда навело на учениц, сразу разрушились. Не успела затвориться за ней дверь, как все вскочили с места и бросились к ящикам. Сара с сияющим лицом наклонилась над одним из них.

– Это книги, – сказала она.

Маленькие недовольно зашептались, а Эрменгарда с ужасом взглянула на ящик.

– Неужели папа дарит тебе в день рождения книги! – воскликнула она. – Значит, он такой же, как мой! Не вынимай их оттуда, Сара.

– Я люблю книги, – с улыбкой сказала Сара, но подошла к другому, большому ящику.

Когда она вынула из него «Последнюю куклу», все девочки заохали, с восхищением глядя на неё.

– Она почти такая же большая, как Лотти, – сказала одна из них.

Лотти закричала и захлопала в ладоши.

– На ней туалет для театра, – заметила Лавиния. – Её накидка подбита горностаем.

– Ах, у неё в руке бинокль! – воскликнула Эрменгарда, подвигаясь поближе. – Он голубой с золотом.

– А вот её дорожный сундук, – сказала Сара, – откроем его и посмотрим её вещи.

Она села на пол и отперла замок. Девочки с шумом окружили её, с восхищением глядя на наряды, которые она вынимала. Тут были кружевные воротники, шёлковые чулки и платки, шкатулка с драгоценностями, в которой лежало ожерелье и диадема, как будто из настоящих бриллиантов, меха и муфты, бальные и визитные платья и костюмы для гулянья, шляпы, капоты и веера. Даже Лавиния и Джесси забыли, что они слишком взрослые для кукол, и с интересом рассматривали всё и восхищались всем.

– Представьте себе, – сказала Сара, надевая большую чёрную бархатную шляпу на бесстрастную обладательницу всего этого великолепия, – представьте себе, что она понимает нас и гордится, что ею так восхищаются.

– Ты всегда представляешь себе что-нибудь, – тоном превосходства заметила Лавиния.

– Да, знаю, – спокойно согласилась Сара, – это доставляет мне большое удовольствие. Я чувствую себя волшебницей. Если хорошенько представить себе что-нибудь, то кажется, что это есть и на самом деле.

– Можно заниматься этим, если ни в чём не нуждаешься, – возразила Лавиния. – А разве могла бы ты фантазировать, если бы была нищей и жила на чердаке?

Сара, поправлявшая страусовые перья на шляпе «Последней куклы», остановилась и задумалась.

– Мне кажется, что могла бы, – после недолгого молчания ответила она. – Если бы я была нищей, мне пришлось бы всё время представлять себе что-нибудь. Но это было бы нелегко.

Только успела Сара договорить, в комнату вошла мисс Амелия. Как странно, что она пришла в эту самую минуту! Сара впоследствии часто думала об этом.

– Сара, – сказала мисс Амелия, – поверенный вашего папы мистер Барроу приехал и желает видеть мисс Минчин. А так как угощение приготовлено в её гостиной, то она не может принять его там. Не пойдёте ли вы туда теперь же? Тогда она примет его в классе.

Угощение было хорошо во всякое время, и никто ничего не имел против него.

Девочки встали по парам и последовали за мисс Амелией, которая пошла впереди, рядом с Сарой. А «Последняя кукла» осталась одна. Она сидела на стуле, и её вещи были разбросаны кругом; на спинках стульев висели платья и кофточки, на сиденьях лежали обшитые кружевами юбки.

Бекки, которой не предстояло принять участия в угощении, осталась на минутку в классе, чтобы на свободе получить рассмотреть роскошный гардероб куклы. Это было, конечно, очень нескромно с её стороны.

– Ступайте в кухню, Бекки, – сказала, уходя, мисс Амелия; но Бекки была не в силах исполнить её приказание. Оставшись одна, она осторожно, с благоговением взяла в руки муфту, потом платье и с восхищением стала рассматривать их. Вдруг около самой двери послышался голос мисс Минчин. Поражённая ужасом, Бекки совсем потерялась и, не зная куда скрыться, бросилась под стол и опустила скатерть.

Мисс Минчин вошла в комнату в сопровождении низенького худощавого джентльмена с резкими чертами лица. Он, по-видимому, был взволнован. Мисс Минчин тоже казалась несколько взволнованной и смотрела на маленького худощавого джентльмена тревожно и довольно сердито.

Она величественно села и показала на стул.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Барроу, – сказала она.

Но мистер Барроу сел не сразу. Его внимание привлекла «Последняя кукла» и разбросанные кругом её вещи. Он надел очки и неодобрительно посмотрел на неё. «Последняя кукла», по-видимому, не обратила на это ни малейшего внимания и равнодушно встретила его взгляд.

– Сотня фунтов! – отрывисто проговорил, будто отрезал, мистер Барроу. – Всё это очень дорогие вещи. Они были заказаны в Париже. Да, он таки любил мотать деньги, этот молодой человек.

Мисс Минчин почувствовала себя оскорблённой. Её гость, осуждая человека, щедро платившего ей, позволял себе слишком много. Даже поверенные не имеют права на такую бесцеремонность.

– Извините, мистер Барроу, – сухо сказала она, – я не понимаю вас.

– Делать такие подарки одиннадцатилетнему ребёнку! – всё так же резко и отрывисто продолжал мистер Барроу. – Я, со своей стороны, считаю это безумной расточительностью.

Мисс Минчин выпрямилась и приняла ещё более величественный вид.

– Капитан Кру человек богатый, – сказала она. – Одни алмазные россыпи...

Мистер Барроу круто повернулся к ней.

– Алмазные россыпи! – иронически сказал он. – Их нет. И не было никогда.

Мисс Минчин вскочила.

– Как не было?! – воскликнула она. – Что это значит?

– Если даже они и были, – пояснил мистер Барроу, – было бы гораздо лучше, если бы их не было.

– Если бы не было алмазных россыпей? – растерянно проговорила мисс Минчин, ухватившись за спинку стула и чувствуя, что чуждая мечта, которой она жила в последнее время, разлетается, как сон.

– Алмазные россыпи приносят гораздо чаще разорение, чем богатство, – продолжал мистер Барроу. – Когда у человека есть близкий друг, а сам он не имеет никакого понятия о деле, то ему лучше всего поскорее отделаться от алмазных россыпей своего любезного друга, или от его золотых россыпей, или от каменно-угольных и каких бы то ни было копеек, в которые его любезный друг хочет вложить свои деньги. Покойный капитан Кру...

Тут мисс Минчин прервала его.

– Покойный капитан Кру! – воскликнула она. – Покойный! Неужели вы хотите сказать, что капитан Кру...

– Умер, сударыня, – резко закончил мистер Барроу. – Умер от индийской лихорадки и деловых забот. Лихорадка, может быть, и не убила бы его, если бы его не сводили с ума заботы, и одни заботы, может быть, не убили бы его, если бы к ним не присоединилась лихорадка. Капитан Кру умер.

Мисс Минчин снова опустилась на стул. Слова поверенного привели её в ужас.

– Какие же заботы у него были? – спросила она. – Что тревожило его?

– Алмазные россыпи, – ответил мистер Барроу, – и любезный друг. А кончилось всё разорением.

Мисс Минчин с трудом перевела дыхание.

– Разорение! – задыхаясь, проговорила она.

– Он потерял всё – до последнего пенни. У этого молодого человека было слишком много денег. Его любезный друг сходил с ума от этих россыпей. Он вложил в них все свои деньги

и все деньги капитана Кру. А потом любезный друг удрал. Капитан Кру узнал об этом, когда лежал больной в лихорадке. И он не мог вынести этого удара. Он умер без сознания, говорил всё время в бреду о своей девочке – и не оставил после себя ни пенни.

Теперь мисс Минчин поняла всё. Никогда в жизни не обрушивалось на неё такого удара.

В одно мгновение школа её лишилась и самой богатой воспитанницы, и отца этой воспитанницы, платившего за неё так щедро. Она почувствовала, что её оскорбили и ограбили и что виноваты в этом все – и капитан Кру, и Сара, и мистер Барроу.

– Неужели вы хотите сказать, что после него не осталось ничего?! – воскликнула она. – Что Сара не будет богата? Что у неё нет ни пенни? Что у меня на руках осталась не богатая наследница, а нищая?

Мистер Барроу, как человек деловой, поспешил раз навсегда выяснить дело и выгородить себя. Мисс Минчин должна понять, что он тут ни при чём и на него рассчитывать нечего.

– Да, она нищая, – сказал он. – И она действительно осталась у вас на руках, сударыня, так как, насколько мне известно, у неё нет родных.

Мисс Минчин вскочила с места и сделала несколько шагов к двери. Казалось, она сейчас бросится из комнаты и положит конец пиршеству, которое позволила устроить в своей собственной гостиной, откуда доносился весёлый говор и смех.

– Ужасно! – воскликнула она. – В эту самую минуту она сидит у меня в гостиной вся в шелку и кружевах и угощает учениц на мой счёт!

– Если она угощает их, то, без сомнения, на ваш счёт, сударыня, – спокойно заметил мистер Барроу, – Барроу и Скипварт не отвечают ни за что. Капитан Кру умер, не заплатив нашего последнего счёта, – а он был не маленький.

Мисс Минчин, гнев которой всё возрастал, отошла от двери.

– Какой ужас! Какой ужас! – задыхаясь, проговорила она. – Я была так уверена в его богатстве, что истратила много своих денег на его девочку. За эту нелепую куклу и её странный, фантастический гардероб заплатила по счетам я. Девочке не было отказа ни в чём. У неё был свой экипаж и пони, своя горничная, и я платила за всё это с тех пор, как получила последний чек!

Мистер Барроу, по-видимому, не чувствовал ни малейшего желания выслушивать рассказ о горестях и потерях мисс Минчин. Он сделал всё, что от него требовалось, – передал ей факты и очистил от ответственности свою фирму. А к раздражённым содержательницам школ он особой симпатии не чувствовал.

– Вам больше не следует платить по таким счетам, сударыня, – сказал он, – если только вы не пожелаете делать подарки этой молодой леди. Никто не вернёт вам затраченных денег. У неё нет ни одного фаринга.

– Но что же мне делать? – спросила мисс Минчин, как будто считала его прямой обязанностью помочь ей. – Что же мне делать?

– Делать тут нечего, – ответил мистер Барроу, спрятал очки в футляр и положил их в карман. – Капитан Кру умер. Девочка осталась нищей. И она осталась на вашем попечении.

Мисс Минчин побледнела от гнева.

– Почему же на моём попечении? – возразила она. – Я не признаю этого.

Мистер Барроу встал, собираясь уходить.

– Это меня не касается, сударыня, – сказал он. – Барроу и Скипварт тут ни при чём. Очень жаль, конечно, что всё это случилось.

– Если вы воображаете, что я оставляю её у себя, – воскликнула мисс Минчин, – то вы очень ошибаетесь! Я вышвырну её на улицу!

Не будь мисс Минчин так раздражена, она никогда не позволила бы себе говорить так грубо и откровенно. Но её приводило в отчаяние, что не имеющая ни пенни девочка, которую

она к тому же невзлюбила с первого взгляда, осталась у неё на руках. И она потеряла всякое самообладание.

Мистер Барроу невозмутимо пошёл к двери.

– На вашем месте я не делал бы этого, сударыня, – на прощанье сказал он. – Это производит дурное впечатление и повредит вашей школе. Нельзя вышвырнуть на улицу маленькую девочку, не имеющую ни денег, ни родных.

Мистер Барроу был неглупый человек и подал мисс Минчин благоразумный совет. Он знал, что она, как женщина практичная, в конце концов согласится с ним. Если она выгонит Сару, все будут считать её бессердечной и жестокой.

– Лучше оставьте её у себя, – продолжал мистер Барроу. – Она, кажется, девочка неглупая. Когда она вырастет, вам можно будет извлечь пользу из неё.

– Я извлеку из неё пользу и теперь, прежде чем она вырастет! – воскликнула мисс Минчин.

– Я вполне уверен в этом, сударыня, – сказал мистер Барроу. – Вполне уверен. Честь имею кланяться.

Он поклонился и вышел, притворив за собою дверь. В продолжение нескольких минут мисс Минчин стояла, глядя на неё. Да, он говорит правду. Она понимает это. Убытков ей никто не вернёт. Её лучшая ученица превратилась в ничтожество, в нищую без родных и друзей. Деньги, которые она издержала на неё после получения последнего чека, пропали и не вернуться никогда.

В то время как она стояла, задыхаясь от гнева, гул весёлых голосов донёсся из её собственной гостиной, из этого святилища, в котором она позволила устроить празднество. Теперь она наконец могла прекратить его.

Не успела мисс Минчин дойти до двери, как та отворилась и в комнату вошла мисс Амелия. Увидев расстроенное, гневное лицо сестры, она с испугом отступила назад.

– Что такое случилось, сестра? – воскликнула она.

– Где Сара Кру? – не отвечая ей, спросила мисс Минчин дрожащим от гнева голосом.

Мисс Амелия совсем растерялась.

– Сара? – пробормотала она. – Сара в твоей гостиной... с другими девочками.

– Есть какое-нибудь чёрное платье в её роскошном гардеробе? – с язвительной иронией спросила мисс Минчин.

– Чёрное платье? – снова пробормотала мисс Амелия. – Чёрное?

– У неё есть платья всевозможных цветов. Найдётся между ними чёрное?

Мисс Амелия побледнела.

– Нет... да, – ответила она. – Только она уже выросла из него. У неё есть чёрное бархатное платье, но оно коротко ей.

– Ступай и скажи ей, чтобы она сняла свой нелепый розовый туалет из шёлкового газа и надела чёрное платье, всё равно, коротко оно или нет. Она покончила с роскошью.

Мисс Амелия заломила свои толстенькие ручки и заплакала.

– О, сестра! – всхлипывая, воскликнула она. – О, сестра! Что же такое случилось?

Мисс Минчин не любила тратить много слов.

– Капитан Кру умер, – ответила она. – Он умер, не оставив ни пенни. А эта изнеженная, избалованная девчонка осталась у меня на руках.

Мисс Амелия упала на ближайший стул.

– Сотни фунтов истратила я на разные глупости для неё. И я не получу ни одного пенни из этих денег. Вели прекратить сию же минуту это глупое веселье и скажи Саре, чтобы она надела чёрное платье.

– Я? – жалобно проговорила мисс Амелия. – Я должна пойти и сказать ей это сейчас?

– Сию же минуту! – гневно оборвала её мисс Минчин. – Что ты сидишь и таращишь на меня глаза, как гусыня? Ступай!

Бедную мисс Амелию часто называли гусыней, и она привыкла к этому. Она и сама считала себя гусыней и знала по опыту, что всё неприятное выпадает на долю гусынь. Вот и теперь ей нужно идти в гостиную, где так веселятся дети, и сказать девочке, устроившей этот праздник, что она стала нищей и должна пойти наверх и надеть слишком короткое для неё чёрное платье. Но нельзя избежать этого. Теперь не время расспрашивать сестру.

Мисс Амелия так натёрла себе глаза, постоянно вытирая их, что они стали совсем красные. Она встала и вышла из комнаты, не прибавив больше ни слова. Когда у старшей сестры было такое лицо и она говорила таким тоном, как теперь, самое благоразумное было тотчас же исполнять её приказания, не спрашивая никаких объяснений.

Оставшись одна, мисс Минчин начала ходить взад и вперёд по комнате. Она говорила громко, сама с собою, но не замечала этого. В продолжение последнего года алмазные россыпи были её любимой мечтой, и она возлагала на них большие надежды. Ведь и содержательницы школ могут разбогатеть с помощью владельцев россыпей. А теперь вместо этого ей приходится терпеть убытки.

– Принцесса Сара! – презрительно сказала она. – Девочку не жили, как будто она будущая королева!

Проходя мимо углового стола, мисс Минчин вдруг остановилась как вкопанная: из-под него послышалось громкое всхлипывание.

– Кто там? – гневно спросила она.

В ответ на это снова послышалось всхлипывание. Мисс Минчин нагнулась и приподняла скатерть.

– Как ты смела! – крикнула она. – Как ты смела! Выходи сию же минуту!

Под столом сидела, скорчившись, бедная Бекки. Чепец её сполз набок, лицо покраснело от сдерживаемого плача.

– С вашего позволения, сударыня, – заикаясь, пробормотала она, – это я. Я знаю, что этого не следовало... Но я смотрела на куклу, сударыня... и я испугалась, когда вы вошли... и спряталась под стол.

– И ты слушала всё это время? – спросила мисс Минчин.

– Нет, сударыня, – возразила Бекки, делая книксен. – Нет, не слушала. Я думала, что мне можно будет уйти незаметно, но я не могла и должна была оставаться. Только я не слушала, сударыня... я ни за что не стала бы слушать. Но я никак не могла не слышать.

Тут Бекки снова залилась слезами и, казалось, перестала вдруг испытывать страх перед грозной леди.

– О, сударыня! – воскликнула она. – Боюсь, что вы откажете мне от места... но мне жаль бедную мисс Сару... мне очень жаль её.

– Ступай отсюда! – приказала мисс Минчин.

Слёзы лились градом из глаз Бекки.

– Да, я сейчас уйду, сударыня, – сказала она, дрожа и приседая. – Мисс Сара... она была такая богатая маленькая леди, и все прислуживали ей как можно лучше. Как же будет она теперь без горничной, сударыня? Если бы... о, позвольте, пожалуйста, мне прислуживать ей после того, как я перемою посуду и сделаю всё, что нужно. Я буду работать очень быстро... только позвольте мне прислуживать ей теперь, когда у неё нет ничего... Бедная, бедная маленькая мисс Сара!.. А её звали принцессой, сударыня!

Слова Бекки ещё больше раздражали мисс Минчин. Даже какая-то судомойка, и та становится на сторону этой девчонки, которую сама она не терпит. Это уж слишком!

– Я, конечно, не позволю, – резко сказала она, топнув ногою. – Она сама будет прислуживать себе да и другим тоже. Ступай вон сию же минуту, или я откажу тебе от места!

Бекки накинула на голову фартук и бросилась из комнаты. Она побежала в кухню и, усевшись там, между горшками и кастрюлями, начала рыдать так горько, как будто её сердце готово было разорваться.

– Всё вышло, как в волшебной сказке, – всхлипывая, шептала она. – Там принцессы тоже всегда страдают!

Мисс Минчин смотрела ещё суровее и неприступнее, чем обыкновенно, когда спустя несколько часов к ней вошла Сара, за которой она посылала.

Весёлое празднество, так неожиданно прерванное, казалось Саре сном или чем-то бывшим много лет тому назад не с ней, а с какой-то другой девочкой.

Ничто теперь не напоминало о празднике. Гирлянды остролистника сняли со стен, скамейки и пюпитры снова поставили на места. Гостиная мисс Минчин имела такой же вид, как всегда – в ней не осталось никаких следов празднества, – а сама мисс Минчин сняла своё парадное платье. Ученицам тоже велели переодеться и отправляться в класс, где они взволнованно перешёптывались, собираясь кучками.

– Пошли Сару ко мне, – сказала сестре мисс Минчин, – и внуши ей, что я не потерплю ни слёз, ни душераздирающих сцен.

– Этого опасаться нечего, – возразила мисс Амелия, – она очень странная девочка. Помнишь, как скрывала она своё горе, когда капитан Кру уехал в Индию? И теперь она держала себя так же. Когда я сказала ей, что отец её умер, она не двинулась с места и не проронила ни слова. Только глаза стали как будто больше и побледнела она, как смерть. Когда я кончила, она с минуту смотрела на меня, а потом подбородок у неё задрожал и она, выбежав из комнаты, бросилась наверх. Некоторые девочки заплакали, услышав, что случилось, но она не видала ничего и только слушала меня. Мне было как-то неловко, что она молчит. Когда рассказываешь людям что-то особенное и важное, то всегда ждёшь от них ответа.

Никто, кроме Сары, не знал, что происходило в её комнате, когда она убежала туда и заперла за собою дверь. Она и сама помнила лишь смутно, как сквозь сон, что она ходила взад и вперёд по комнате и твердила каким-то странным, не своим голосом:

– Мой папа умер! Мой папа умер!

Один раз она остановилась около Эмили, которая смотрела на неё со своего стула, и с отчаянием крикнула:

– Эмили! Ты слышишь? Папа умер! Он умер в Индии – за тысячи миль отсюда!

Когда Сара вошла в гостиную мисс Минчин, лицо её было бледно, глаза окаймлены тёмными кругами, а губы крепко сжаты, как будто она твёрдо решила не выдавать своего горя.

В настоящую минуту она была совсем не похожа на ту сияющую хозяйку праздника в лёгком розовом платье, которая перепархивала, как бабочка, от одного подарка к другому в украшенной зеленью классной комнате. Теперь это была бледная, убитая горем, одинокая девочка.

Она переделалась без помощи Мариетты в давно уже брошенное чёрное бархатное платье. Оно было ей слишком коротко и узко, и её тоненькие ножки, выступавшие из-под короткой юбки, казались слишком длинными и худыми. Так как у неё не нашлось чёрной ленточки, то её короткие густые тёмные волосы не были перевязаны ничем и свободно падали ей на плечи, отчего лицо казалось ещё бледнее. Она держала в руке Эмили, завернутую в кусок чёрной материи.

– Бросьте куклу, – сказала мисс Минчин. – Зачем вы принесли её сюда?

– Нет, я не брошу её, – ответила Сара. – Это всё, что у меня есть. Мне подарил её папа.

Мисс Минчин часто чувствовала себя не совсем ловко, разговаривая с Сарой. Ей стало неловко и теперь. Твёрдый, спокойный тон Сары подействовал на неё как всегда, и она решила не настаивать – может быть, отчасти и потому, что сознавала, как жестоко и бессердечно поступает с девочкой.

– У вас теперь не будет времени играть в куклы, – сказала она. – У вас будет много дел, вам придётся приучаться быть полезной.

Сара пристально смотрела на неё своими большими странными глазами, но не проронила ни слова.

– Теперь ваша жизнь переменится, – продолжала мисс Минчин. – Мисс Амелия объяснила вам всё?

– Да, – ответила Сара. – Мой папа умер. Он не оставил мне денег. Я теперь не богата, а бедна.

– Вы нищая, – сказала мисс Минчин, раздражаясь при воспоминании о том, какое значение это имело для неё самой. – И у вас нет ни родных, ни дома и никого, кто бы позаботился о вас.

По худенькому, бледному личику пробежала как будто судорога, но Сара не сказала ничего.

– Что же вы молчите? – резко спросила мисс Минчин. – Неужели вы так глупы, что не понимаете? Повторяю вам ещё раз: вы теперь одна на свете, никто не позаботится о вас, и вам некуда деваться, если я не позволю вам из милости остаться в школе.

– Я понимаю, – тихо ответила Сара, как будто проглотила что-то стоявшее у неё в горле. – Я понимаю.

– Эта кукла, – сказала мисс Минчин, показывая на последний подарок, полученный Сарой от отца, – эта смешная кукла с её нелепым, роскошным гардеробом – не ваша. Я заплатила за неё.

Сара взглянула на куклу.

– Последняя кукла! – сказала она. – Последняя кукла!

И её грустный голос зазвучал как-то странно.

– Последняя кукла? Совершенно верно! – воскликнула мисс Минчин. – И она моя, а не ваша. Всё ваше теперь принадлежит мне.

– Так возьмите её, – сказала Сара, – она не нужна мне.

Если бы Сара жаловалась, плакала и приходила в отчаяние, мисс Минчин была бы терпеливее с ней. Она была женщина властная, любившая, чтобы ей подчинялись, а глядя на бледное, гордое лицо Сары и слушая её спокойный голос, мисс Минчин чувствовала, как её власть превращается в ничто.

– Прошу не говорить со мной таким важным тоном! – воскликнула она. – Теперь вам придётся оставить это: вы уже не принцесса. Ваш экипаж и вашего пони отошлют. Вашу горничную отпустят. Вы будете носить самые старые и простые из ваших платьев – роскошные туалеты не подходят к вашему настоящему положению. Теперь вам, как Бекки, придётся зарабатывать себе на хлеб.

Лицо Сары, к удивлению мисс Минчин, немного просветлело при этих словах.

– Я могу работать? – сказала Сара. – Что же мне придётся делать?

– Всё, что вам прикажут, – ответила мисс Минчин. – Если вы сумеете быть полезной, я оставляю вас в школе. Вы хорошо говорите по-французски и можете учить французскому языку младших воспитанниц.

– Могу? – воскликнула Сара. – О, пожалуйста, позвольте мне! Я знаю, что сумею учить их. Они любят меня, и я люблю их.

– Не говорите глупостей о том, что вас любят, – остановила её мисс Минчин. – Но вам придётся не только заниматься с воспитанницами. Вас будут посылать с разными поручениями и дадут вам работу в кухне. Если я буду недовольна вами, то отпущу вас. Помните это. Можете идти.

Сара с минуту молча смотрела на неё. Станные, тяжёлые мысли пробежали у неё в уме. Потом она повернулась и пошла к двери.

– Пойдите! – остановила её мисс Минчин. – Что же вы не поблагодарите меня?

Сара остановилась и обернулась к ней.

– За что? – спросила она.

– За мою доброту, – пояснила мисс Минчин, – за то, что благодаря мне у вас будет дом.

Сара сделала несколько шагов вперёд. Она тяжело дышала и заговорила странным, недетским тоном.

– Вы не добры, – сказала она. – Вы не добры, а это не дом.

С этими словами она повернулась и выбежала из комнаты, прежде чем окаменевшая от гнева мисс Минчин успела сказать что-нибудь или остановить её.

С трудом переводя дыхание, Сара тихо поднялась по лестнице, крепко прижимая к себе Эмили.

«Как было бы хорошо, если бы Эмили могла говорить! – думала она. – Как бы хорошо это было!»

Она хотела пройти к себе в комнату, лечь перед камином на тигровую шкуру, прижаться щекой к голове тигра и думать, думать, думать, глядя на огонь. В ту минуту, как она поднялась на площадку, из её комнаты вышла мисс Амелия и, притворив за собой дверь, остановилась около неё. Она казалась смущённой и взволнованной. И действительно, она в глубине души стыдилась того, что ей приказали сделать.

– Вам... вам нельзя войти туда, – сказала она.

– Нельзя войти?! – воскликнула Сара, отступив назад.

– Теперь это уже не ваша комната, – прибавила, слегка покраснев, мисс Амелия.

Сара сообразила, в чём дело. Она поняла, что это начало перемены, о которой говорила мисс Минчин.

– Где же моя комната? – спросила она, стараясь, чтобы её голос не задрожал.

– Вы будете спать на чердаке, рядом с Бекки.

Сара знала, как пройти туда. Бекки рассказывала ей. Она отошла от двери своей прежней комнаты и поднялась по лестнице вверх. Начиная со второго, последнего поворота, лестница стала очень узкой и была покрыта обрывком старого ковра. Саре казалось, что она уходит далеко-далеко, оставляя за собой прежний мир, в котором жила другая, не похожая на неё девочка. Сама она, поднимавшаяся на чердак в коротком узком чёрном платье, не имела с ней никакого сходства.

Когда Сара отворила дверь чердака, сердце её сжалось. Она вошла и остановилась, притворив за собою дверь.

Да, это был совсем другой мир. Комната с покатым потолком была выбелена. Извёстка потемнела и местами обвалилась. По одной стороне стояла старая железная кровать, покрытая полинявшим одеялом, на другой был камин с ржавой решёткой. Кроме того, в комнате стояла ещё кое-какая мебель, которую принесли сюда снизу, так как она была слишком стара и плоха, чтобы оставаться там.

Под проделанным в крыше окном, через которое виднелся только небольшой кусочек серого неба, стояла старая табуретка. Сара подошла к ней и села на неё. Она плакала очень редко. Не заплакала она и теперь. Положив Эмили на колени и обняв её, она прижалась к ней лицом и сидела неподвижно.

Вдруг послышался стук в дверь – такой тихий и робкий, что Сара даже не обратила на него внимания. Потом дверь тихонько приотворилась, и перепачканное в саже, мокрое от слёз лицо заглянуло в комнату. Это была Бекки. Она всё время плакала и терла глаза своим грязным кухонным фартуком, отчего оно приняло очень странный вид.

– О, мисс! – прошептала она. – Можно мне... позвольте вы мне войти?

Сара подняла голову и взглянула на Бекки. Она старалась улыбнуться, но не могла. И в то время, как она смотрела на любящее, мокрое от слёз лицо Бекки, её собственное лицо приняло более детское выражение. Она протянула руку, и рыдание вырвалось у неё из груди.

– Я говорила тебе, Бекки, что между нами нет никакой разницы, – говорила она. – Теперь ты видишь, что это правда.

Я такая же девочка, как и ты. Я уже не принцесса.

Бекки подбежала к ней, прижала её руку к своей груди и, опустившись на колени, заплакала от горя и сострадания.

– Нет, вы принцесса, мисс! – задыхаясь, воскликнула она. – Что бы ни случилось с вами... чтобы ни случилось... вы всё равно останетесь принцессой... всегда, всегда!

Глава восьмая

На чердаке

Никогда не забывала Сара этой первой ночи, которую провела на чердаке. Спать она не могла. Её мучило тяжёлое, недетское горе, и она никогда не говорила никому о том, что ей пришлось вынести в эту ночь.

К счастью, непривычная обстановка время от времени отвлекала её от одной упорной мысли о смерти отца, и она на минуту забывалась. Без этого поразивший её удар был бы слишком тяжёл для её детской души и она была бы не в силах перенести его.

– Мой папа умер! – шептала она. – Мой папа умер!

Только впоследствии, уже много времени спустя, припомнилось ей, что её постель была очень жёсткая и потому она постоянно поворачивалась с боку на бок, стараясь улечься поудобнее; что в комнате было необыкновенно темно, а ветер, завывавший между трубами, как будто плакал. Но это ещё не всё – было и кое-что похуже. За стеной и на полу, около плинтусов, постоянно слышался какой-то шорох, возня и визг. Сара знала, что это такое, Бекки рассказывала ей. Это были мыши и крысы; они дрались или играли между собою. Раза два на полу слышался даже лёгкий топот. Впоследствии, когда она могла думать об этой ночи, она припоминала, что, услышав в первый раз, как по полу пробежала крыса, она вскочила на постели и некоторое время сидела, дрожа от страха, а когда снова легла, то закрылась с головой одеялом.

Перемена в её жизни происходила не постепенно и незаметно; она произошла сразу.

– Сара должна узнать немедленно, что её ждёт, – сказала мисс Минчин своей сестре.

Мариетту отпустили на другой день. Сара, проходя утром мимо отворённой двери своей гостиной, увидела, что в ней переменили всю обстановку. Роскошная мебель и все украшения были вынесены, а у стены стояла кровать. Изящная гостиная превратилась в скромную спальню; её отдадут какой-нибудь новой воспитаннице.

Сара вошла в столовую. На её месте, около мисс Минчин, сидела Лавиния.

– Вы с нынешнего же дня приметесь за исполнение своих новых обязанностей, Сара, – сухо сказала мисс Минчин. – Садитесь за другой стол с младшими воспитанницами. Смотрите, чтобы они вели себя как следует и не шалили. Вам нужно приходить раньше. Лотти уже опрокинула свою чашку с чаем.

Это было начало, а затем обязанности Сары увеличивались с каждым днём. Она учила маленьких французскому языку и прослушивала заданные им уроки. Этот труд Сара считала самым лёгким и приятным. Но дело не ограничилось им одним. Мисс Минчин нашла, что Сара может быть полезной и в другом. Её можно было посылать за покупками и с различными поручениями во всякое время дня и во всякую погоду, ей можно было давать новую работу, от которой отказывались другие. Кухарка и служанки брали пример с мисс Минчин и со злобной радостью отдавали приказания «девчонке», за которой им приходилось столько времени ухаживать.

В течение первого месяца или двух Сара надеялась, что люди, так безжалостно относящиеся к ней, смягчатся, видя, что она охотно берёт всякую работу, старается сделать её как можно лучше и молча выслушивает выговоры. Она была горда, и ей хотелось доказать им, что она хочет зарабатывать свой хлеб, а не есть его из милости.

Но через некоторое время Сара увидела, что её поведение не смягчает никого. Чем старательнее и охотнее работала она, тем требовательнее становились служанки и тем чаще бранила её сварливая кухарка.

Продолжать ученье Сара теперь уже не могла. Она не присутствовала на уроках и только поздно вечером, после тяжёлой работы, ей позволяли, и весьма неохотно, уходить с книгами в пустой класс и заниматься там одной.

«Я должна повторять старое, – думала Сара, – а не то забуду всё. Теперь я простая судомойка, и если я не буду знать ничего, то стану такой же, как бедная Бекки».

Вместе с переменой в жизни Сары сильно изменилось и её положение среди воспитанниц. Прежде она казалась между ними маленькой королевой; теперь она как будто даже совсем не принадлежала к числу воспитанниц. Она работала так много, что ей редко удавалось перемолвиться несколькими словами с какой-нибудь из учениц, да к тому же она скоро заметила, что мисс Минчин желает её держать подальше от них.

– Я не хочу, чтобы она разговаривала с воспитанницами и сближалась с ними, – говорила эта леди. – Девочки всегда относятся сочувственно к страданиям, и, если она начнёт рассказывать им разные романтические истории, они станут смотреть на неё как на несчастную героиню, а наслушавшись от них, и родители составят себе, пожалуй, превратное понятие о её положении в школе. Гораздо лучше, если она будет держаться в стороне. Я дала ей дом, и она не имеет права требовать от меня ещё чего-нибудь. И этого-то слишком много.

Сара и не требовала ничего и была слишком горда, чтобы стремиться к сохранению прежней близости с девочками, которые заметно сторонились её. Воспитанницы мисс Минчин были по большей части богатые, избалованные девочки, привыкшие обращать большое внимание на внешность. И когда Сара начала ходить в коротких потёртых платьях, когда оказалось, что у неё на башмаках дырки и что её посылают за провизией, которую она носит в корзине по улицам, воспитанницы мисс Минчин стали смотреть на неё как на служанку.

– Трудно представить себе, что у неё были когда-то алмазные россыпи! – говорила Лавиния. – Какой ужасный вид у неё теперь! И она стала ещё страннее, чем прежде.

А Сара работала не покладая рук. Она бегала в дождь и слякоть по грязным улицам со свёртками и корзинами в руках, а во время уроков французского языка употребляла все силы, чтобы преодолеть рассеянность своих маленьких учениц. Когда её платье изнашивалось и сама она стала выглядеть ещё более заброшенной, чем прежде, мисс Минчин распорядилась, чтобы она обедала и завтракала в кухне. Никто не заботился о Саре, и бедная одинокая девочка страдала, но страдала молча, не поверяя своего горя никому.

Бывали, однако, дни, когда её детское сердечко не вынесло бы такой жизни, если бы в числе окружающих не было Бекки, Эрменгарды и Лотти.

А особенно Бекки. В продолжение всей первой ночи, которую Сара провела на чердаке, она не раз вспоминала, что по ту сторону стены, за которой грызлись и дрались мыши, лежит другая, любящая её девочка, и у неё становилось легче на душе. А в следующие ночи это чувство ещё усилилось.

Саре редко приходилось разговаривать с Бекки днём.

У каждой из них было много дел, и им не позволили бы терять даром время.

– Не сердитесь на меня, мисс, – шепнула в первый день Бекки, – если я покажусь вам невежливой, то есть не буду говорить «пожалуйста», «извините», «благодарю вас». Нам обоим досталось бы за это.

Каждое утро, прежде чем идти вниз и топить кухонную печь, Бекки приходила в комнату Сары, чтобы застегнуть ей платье и оказать другие маленькие услуги. А когда наступал вечер, в дверь Сары слышался лёгкий стук, и она знала, что пришла её маленькая горничная, чтобы сделать для неё всё нужное.

В первое время после смерти отца Сара чувствовала себя такой несчастной, что ей было не до разговоров. И Бекки заходила к ней только на минутку: она понимала сердцем, что Саре лучше оставаться одной со своим горем.

Второе место после Бекки принадлежало Эрменгарде. Она, однако, заняла его не сразу.

Когда Сара немного опомнилась от своей потери и стала сознавать окружающее, она вспомнила об Эрменгарде, о существовании которой совсем было забыла. Они были дружны, но Саре всегда казалось, что сама она на несколько лет старше своей подруги. Эрменгарда была

добрая, любящая, но очень недалёкая девочка. Она сильно привязалась к Саре, смотрела на неё как на высшее существо и искала у неё покровительства и защиты. Она приходила к Саре со своими уроками, чтобы та объяснила ей всё непонятное, ловила каждое её слово и осаждала её просьбами рассказать какую-нибудь интересную историю или сказку. Но сама она не могла сказать ничего интересного и ненавидела все без исключения книги.

Переживая своё первое тяжёлое горе, Сара забыла о ней. Это было тем легче, что Эрменгарда неожиданно уехала домой и пробыла там несколько недель. Вернувшись, она два дня не встречалась с Сарой. В первый раз они встретились в коридоре, когда Сара несла данное ей для починки бельё. Сара уже выучилась чинить и штопать. Она была бледна и казалась совсем не похожей на себя в своём коротком старом платье. И отчего у неё стали такие длинные, худые ноги?

Эрменгарда совсем растерялась от такого превращения и не знала, что сказать. Ей было, конечно, известно о смерти капитана Кру, но она никак не ожидала, что Сара может так измениться, что она будет такой странной, обтрёпанной и похожей на служанку. Сердце её сжалось от сострадания, но она не сумела высказать его и, как-то неестественно засмеявшись, задала совершенно ненужный, не имеющий смысла вопрос:

– О, Сара! Это – ты?

– Да, – ответила Сара и слегка покраснела от промелькнувшей у неё мысли. «Она такая же, как и все другие, – подумала она. – Ей не хочется говорить со мной. Она знает, что со мной не говорит никто».

Придерживая подбородком ворох белья, чтобы оно не упало, Сара пристально взглянула на Эрменгарду. Под её взглядом та ещё больше растерялась. Ей казалось, что Сара стала какой-то другой девочкой, незнакомой ей. Должно быть, такая перемена произошла в ней оттого, что она теперь бедная и принуждена чинить бельё и работать, как Бекки.

– Как твоё здоровье? – нерешительно спросила она.

– Не знаю, – ответила Сара. – А твоё?

– Я... Я здорова, – растерянно сказала Эрменгарда и прибавила, решившись перейти на другой, более искренний и дружеский тон: – Ты очень несчастна?

Саре было тяжело в эту минуту, и она не поняла её доброго побуждения. Если Эрменгарда до такой степени глупа, то пусть лучше оставит её в покое.

– А как ты полагаешь? – спросила она. – Ты, должно быть, думаешь, что я очень счастлива?

И, не прибавив больше ни слова, Сара ушла.

Впоследствии она поняла, что напрасно обидела бедную недалёкую Эрменгарду.

Та была неловка всегда, а когда что-нибудь сильно трогало или волновало её, неловкость её ещё увеличивалась.

Но внезапно промелькнувшее у Сары подозрение сделало её особенно чувствительной к оскорблениям.

В продолжение нескольких недель между бывшими подругами как будто встала стена. Когда они случайно встречались, Сара отворачивалась, а Эрменгарда от волнения и замешательства была не в силах произнести ни слова. Иногда, встречаясь, они кивали друг другу, но случалось, что они расходились, даже не поздоровавшись.

«Если она не желает говорить со мной, – думала Сара, – то я буду держаться подальше от неё. С помощью мисс Минчин это сделать нетрудно».

С помощью мисс Минчин это оказалось настолько легко, что они даже редко видели друг друга. Приехав из дому, Эрменгарда, как заметили все, стала ещё бестолковее обыкновенного и была очень грустна. В свободное от уроков время она чаще всего садилась на подоконник и, сжавшись в уголке, молча смотрела в окно. Раз Джесси, проходившая мимо, остановилась и с удивлением посмотрела на неё.

– О чём ты плачешь, Эрменгарда? – спросила она.

– Я не... плачу, – дрожащим голосом ответила Эрменгарда.

– Нет, плачешь, – настаивала Джесси. – Слеза только что скатилась у тебя по носу до самого кончика и упала. А вот катится и другая.

– Ну и пусть, – сказала Эрменгарда. – Мне тяжело, и я не хочу, чтобы ко мне приставали.

Она повернулась к Джесси своей толстой спиной и, уже не скрываясь, вынула платок и стала вытирать глаза.

В этот вечер Сара пришла к себе на чердак позднее обыкновенного. У неё было много работы, а потом, уже спустя некоторое время, после того как воспитанницы улеглись спать, она отправилась со своими учебными книгами в класс и довольно долго занималась там.

Взойдя на лестницу, Сара с удивлением увидала, что из-под двери её комнаты виднеется полоска света.

«Никто никогда не приходит ко мне, – подумала она, – а между тем кто-то зажжёт свечу».

Да, кто-то действительно зажжёт свечу, и она горела не в кухонном подсвечнике Сары, а в одном из таких, какие стояли в спальнях учениц. Этот кто-то был в ночном костюме и сидел на старой, расшатанной табуретке, завернувшись в большой красный платок. Это была Эрменгарда.

– Эрменгарда! – воскликнула Сара, удивившись, но ещё более испугавшись. – С тобою что-нибудь случилось?

Эрменгарда встала со скамейки. Она была в ночных туфлях, которые сваливались у неё с ног. Глаза и нос её покраснели от слёз.

– Со мной что-нибудь случится... если узнают, что я здесь, – ответила она. – Но я не боюсь – ни крошечки не боюсь. О, Сара, скажи мне... почему ты не любишь меня больше?

От этих простых дружеских слов знакомый клубок поднялся в горле Сары.

Это было так похоже на прежнюю Эрменгарду, когда-то просившую Сару подружиться с ней. Её слова, её голос доказывали, что она совсем не такая, какой казалась Саре в последнее время.

– Я люблю тебя, – сказала Сара. – Я думала... всё теперь так переменялось. Я думала... что переменялась и ты.

Эрменгарда широко открыла свои мокрые глаза.

– Не я, а ты стала совсем другая! – воскликнула она. – Ты не хотела говорить со мной. Я не знала, что делать. Ты переменялась с тех пор, как я вернулась из дому.

Сара на минуту задумалась. Она поняла свою ошибку.

– Я в самом деле переменялась, – сказала она, – но не так, как ты думаешь. Мисс Минчин не желает, чтобы я разговаривала с воспитанницами. Они и сами по большей части не хотят говорить со мной. Я думала, что, может быть, не хочешь и ты. А потому я и старалась держаться в стороне.

– О, Сара! – жалобно и с упреком воскликнула Эрменгарда.

А потом подруги нежно обнялись, и чёрная головка Сары лежала несколько минут на плече Эрменгарды, под её красным платком. Сара чувствовала себя страшно одинокой, когда думала, что и Эрменгарда отвернулась от неё.

Девочки уселись на пол. Сара обхватила руками колени, а Эрменгарда завернулась в платок и с обожанием взглянула на неё.

– Я больше уже не могла выносить это, – сказала она. – Ты, наверное, можешь жить без меня, Сара, но я без тебя не могу. Я была уже почти совсем мёртвая. А потому сегодня вечером, поплавав под одеялом, я решила пробраться сюда и попросить тебя быть по-прежнему моим другом.

– Ты лучше меня, – сказала Сара. – Мне тоже хотелось быть с тобой по-прежнему, но я не могла первая заговорить об этом – из гордости. Видишь, какая я плохая!

Эрменгарда с боязливым любопытством оглядела комнату Сары.

– Господи! – воскликнула она. – Будешь ли ты в состоянии жить здесь?

– Буду, если представлю себе, что моя комната совсем другая, – ответила Сара.

Она говорила медленно. Воображение её начало работать, а то она как бы замерла с тех пор, как умер её отец.

– Многим приходилось жить в местах, которые были ещё хуже, – сказала она. – Подумай, каково было графу Монте-Кристо в подземной тюрьме замка Иф? Или заключённым в Бастилии?

– В Бастилии! – прошептала Эрменгарда, с восхищением глядя на Сару. Она хорошо запомнила разные эпизоды Французской революции. Они врезались ей в память потому, что Сара необыкновенно живо рассказывала их.

– Да, – продолжала Сара, – Бастилия подойдёт как раз. Я заключённая в Бастилии. Я провела здесь много, много лет, и все забыли обо мне. Мисс Минчин – мой тюремщик, а Бекки, – тут лицо Сары просветлело, – а Бекки такая же заключённая, как и я. Она сидит в соседней камере.

Она взглянула на Эрменгарду, и той показалось, что она видит перед собою прежнюю Сару.

– Да, я буду представлять себе это, – сказала Сара. – Тогда мне будет гораздо легче.

Слова эти привели Эрменгарду в восторг.

– И ты будешь рассказывать мне? – спросила она. – Позволишь ты мне приходить сюда по вечерам и будешь рассказывать мне всё, что придумаешь днём?

– Хорошо, – ответила Сара.

Глава девятая

Мельхиседек

Третье место после Бекки и Эрменгарды занимала Лотти. Она была такая крошка, что ещё не могла понять многого, и её очень удивляла перемена, происшедшая с её приёмной мамой. Она слышала, что с Сарой случились разные странные вещи, но не понимала, почему та так изменилась, почему она носит теперь старое чёрное платье и приходит в класс не учиться, а учить других.

Между маленькими долго шли оживлённые толки после того, как они узнали, что Сара уже не живёт в своих хорошеньких комнатах, где столько времени восседала на почётном месте Эмили. Лотти терялась в догадках. А Сара почему-то ничего не хотела объяснить и отмалчивалась, когда её начинали расспрашивать. Как тут разгадать все эти тайны!

– Ты теперь очень бедная, Сара? – шёпотом спросила Лотти, когда Сара пришла в первый раз давать урок французского языка. – Ты такая же бедная, как нищие? – Она вложила свою пухлую ручку в худенькую руку Сары и прибавила со слезами на глазах: – Я не хочу, чтобы ты была такая же бедная, как нищие.

Видя, что она собирается заплакать, Сара поспешила успокоить её.

– У нищих нет дома – им негде жить, – сказала она. – А у меня есть.

– Где же ты живёшь? – спросила Лотти. – В твоей комнате спит новая девочка, её комната теперь уже не такая хорошенькая, как прежде.

– Я живу в другой комнате, – сказала Сара.

– А красивая она? – спросила Лотти. – Я хочу посмотреть.

– Молчи, – остановила её Сара. – Мисс Минчин смотрит на нас. Она рассердится на меня, если ты будешь со мной шептаться.

Сара уже знала по опыту, что ей приходится отвечать за всё. Если дети были невнимательны или рассеянны, если они болтали – выговаривали ей.

Но Лотти была настойчивая маленькая особа. Так как Сара не хочет сказать ей, где живёт, то она сама разыщет её комнату. Лотти стала внимательно прислушиваться к разговорам старших, когда речь заходила о Саре, и узнала кое-что. А узнав, она в один прекрасный день собралась в дальнейшее путешествие и начала карабкаться вверх по лестницам, о существовании которых до сих пор не подозревала. В конце концов она добралась до чердака.

На площадке были две двери. Она отворила одну из них и увидела свою дорогую Сару, которая стояла на столе и смотрела в проделанное в крыше окно.

– Сара! – в ужасе воскликнула Лотти. – Мама Сара!

Она пришла в ужас от маленькой грязной комнаты, которая была так далеко, далеко от всего мира. До неё было, наверное, несколько сот ступенек!

Сара обернулась, услышав голос Лотти. Теперь она в свою очередь пришла в ужас. Что теперь будет? Если Лотти начнёт плакать и кто-нибудь услышит её, они обе пропали. Сара соскочила со стула и подбежала к девочке.

– Не плачь и не шуми, – с мольбой сказала она. – Меня будут бранить, если узнают, что ты здесь, а меня и без того бранили целый день. Это... это совсем не плохая комната, Лотти.

– Не плохая? – прошептала Лотти и, оглядевшись кругом, закусила губы, чтобы не заплакать. Лотти была большая плакса; но она настолько любила свою приёмную маму, что постаралась сдержаться ради неё. К тому же всякая комната, в которой поселилась Сара, могла, пожалуй, сделаться хорошенькой.

Сара обняла девочку и постаралась улыбнуться ей. У неё стало немножко полегче на душе, когда к ней прижалось пухленькое детское тельце. День выдался тяжёлый, но глаза её были сухи, когда она глядела в окно.

– И отсюда видно много такого, чего не видно снизу, – продолжала она.

– Что же отсюда видно? – с любопытством спросила Лотти.

– Трубы – они совсем близко от окна, – и клубы дыма, улетающие высоко-высоко к небу, и воробьи, которые прыгают кругом и разговаривают друг с другом, как люди. А из окон других чердаков каждую минуту может показаться какая-нибудь голова, и приятно будет догадываться, чья она. И тут так высоко над землёй, как будто это совсем другой мир!

– Дай мне посмотреть на всё это, Сара! – воскликнула Лотти. – Подними меня!

Сара подняла её, и они, стоя на столе и облокотившись на окно, стали смотреть в него.

Всякий глядевший из такого окна знает, какой странный вид открывается оттуда. Крыша покато спускалась на обе стороны от них к водосточным трубам; воробьи весело чирикали и прыгали кругом – здесь они были у себя дома. Два воробья, сидевшие на ближней трубе, поссорились из-за чего-то и некоторое время отчаянно дрались. В конце концов один одержал верх и прогнал своего противника с трубы. Ближнее от девочек слуховое окно было закрыто, потому что в соседнем доме никто не жил.

– Хорошо, если бы кто-нибудь поселился здесь, – сказала Сара. – Это так близко, что, если бы на чердаке жила девочка, мы могли бы разговаривать, стоя у окон, и ходить друг к другу в гости по крыше, если бы не боялись упасть.

Небо казалось отсюда так близко, что Лотти была в восторге. Здесь, на такой высоте, среди труб, как-то не верилось в существование другого мира, далеко внизу, где жили мисс Минчин и мисс Амелия и была классная комната.

– О, Сара! – воскликнула Лотти, прижимаясь к Саре. – Мне нравится здесь, очень нравится! Тут лучше, чем внизу!

– Смотри, как близко подлетел воробей! – шёпотом сказала Сара. – Как жаль, что у меня нет крошек, мы бросили бы ему.

– У меня есть! – возбуждённо шепнула Лотти. – У меня в кармане лежит кусочек лепёшки. Я купила её вчера за пенни и не доела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.